

Александр ВИН

АИСТЫ

КУРС НА ВОСТОК

18+

Александр ВИН
АИСТЫ. КУРС НА ВОСТОК

«Автор»

2025

ВИН А.

АИСТЫ. КУРС НА ВОСТОК / А. ВИН — «Автор», 2025

Она не хотела уезжать в Германию, умоляла, плакала. Уговорили, угрожали, увезли. Скоро она осталась одна, без мужа воспитывала и растила детей, мыла общественные туалеты, подметала улицы, ухаживала за беспомощными немецкими стариками. Без языка, без профессии, без своего жилья. Хотелось счастья, и Олеся встретила Макса. Вместе они боролись, не сдались, перевернули своей правдой сытую и гнилую страну, испугали там русской яростью жестокую, стальную власть. Они были в Германии чужими – им грозили долгой тюрьмой. Но вот наступила весна и аисты возвращаются домой, в свои гнёзда! Это – реальная история. Она может быть интересной для многих.

© ВИН А., 2025

© Автор, 2025

Александр ВИН

АИСТЫ. КУРС НА ВОСТОК

То ли птицы летят перелётные...

Они сидели за столиком в кафе.

Обычные люди.

Мужчина и женщина.

Спокойные улыбки.

– За нами следили.

– Мы прорывались...

Часть первая

НАДЕЖДЫ

Нас не спасает крест одиночеств.

Дух несвободы непобедим.

.....

Да, все мы русские – крепостные,

с цепями ржавыми на ногах,

своей помещицы – блаженной России

и подневольнее, когда в бегах.

Мы уродились в такой стране,

где тягу к бегству не остановишь,

но приползаем – хотя б во сне.

И, может, в этом свобода наша,

что мы в неволе, как ни грусти,

и нас не минет любая чаша –

пусть чаша с ядом – в руке Руси.

С ней не расстаться, не развязаться.

Будь она проклята – по ней тоска

вцепилась, будто репей рязанский,

в сукно парижского пиджака.

Нас раскидало, как в море льдины,

расколошматило, но не разбив.

Культура русская всегда едина,

но лишь испытывается на разрыв.

Хоть скройся в Мекку, хоть прыгни в Лету –

в кишках Россия. Не выдрать! Шиш!

Невозвращения в Россию нету.

Из сердца собственного не сбежишь.

Евгений Евтушенко

На просторном бульваре радовалась тёплая осень.

Две девушки, совсем молодые, почти девчонки, красивые, шли по аллее, разговаривали, смеялись.

Одна, светленькая, держала за руку смешно топающего малыша, а тот размахивал жёлтым листом каштана.

– Не поеду я в эту чертову Германию, чего я там не видела?! Свекруха целыми днями вовсю учит с репетитором язык, а я не хочу, ухожу с сыном гулять.

– Уедешь, уедешь! Куда ты денешься – муж у тебя вон какой, строгий.... Увезут, будешь там бухгалтершей!

– Ни за что! Спорим на шампанское, что не поеду!

Девчонки одинаково легко захохотали.

Вечер.

Тёмная комната.

Шкафы, ковёр, телевизор.

Над круглым обеденным столом – яркая люстра.

Голоса.

Громкий разговор.

– Подписывай. Вот здесь. И здесь...

Много бумаг, все на чужом языке.

Странно и страшно.

Понятны только отдельные слова: Кёльн, Германия, 1996.

Её имя, тоже уже по-иностранным написанное: Олеся Беланова.

– Твои документы. Вот, смотри, фотка твоя. Подписывай, здесь и здесь...

– Не буду.

– Почему это?!

– Не поеду я с вами никуда...

– Опять ты за своё! Вот ведь упрямая! Ну и что ты здесь одна-то будешь делать?! С дитём, без работы?

– Всё равно не поеду.

– Увезу сына, одна здесь, дура, останешься!

Удар в ухо.

Глухой стон.

Звон в голове.

Олеся никак не могла подняться с пола.

Крики.

Плохо слышно.

– Ты чего девку зазря лупишь?! Рехнулся, что ли? Нам лечить её придётся, там всё дорого, никаких денег на врачей не напасёшься!

– Мама, так я же не кулаком...

Свекровь охала, поднимала Олесю.

– Леська, не блажи! Собирайся, давай! За границей ты сына нормально вырастишь, образование дашь! Человеком он станет, спасибо тебе ещё потом скажет! Здесь же совсем жрать нечего...

– Не прощу...

– Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

А дома, с мамой, можно было и поплакать.

– Олесенька, доченька, не спорь ты с ним! Муж и есть муж, его слушаться надо. Потерпи, вдруг там жизнь по-другому как повернётся, может иностранец какой уважительный потом тебе встретится...

Мама обнимала Олесю, прижимала к себе, заботливо держала компресс на голове.

– Ну как, полегче стало?

– Звенит ещё, как будто вдалеке.... Правым ухом почти ничего не слышу.

Заплакали в голос обе.

– ... Мать ведь чего глазами не увидит, так у неё сердце вещун, она сердцем может чувствовать.

Вздыхнула.

– Какая ты у меня была резвая! Там, с ними, завяла совсем...

Кёльн.

Река Рейн.

Корабль.

И всё ещё осень...

День.

Олеся медленно шла вдоль безлюдной набережной, рядом бегал с прутиком сын.

Гудели иногда на воде какие-то рабочие буксирчики, прошумел на далёком мосту длинный поезд, а против солнца, тоже совсем невидимые, взлетали где-то с гулом самолёты.

Их дом стоял у причала.

Большой, ржавый, старый голландский корабль.

То ли когда-то очень давно он был пассажирским, то ли устроена в нём была какая-то плавучая мастерская для речных портовых надобностей, никто из местных не знал, а они, приезжие, особо об этом и не спрашивали.

Прямо с автовокзала их тогда привезли в порт, на этот корабль, выгрузили толпой, проверили по бумагам всех приехавших; свекровь суетливо перевела, что, мол, временно, они будут жить здесь, а потом им дадут в городе квартиры.

– Пошли, Петя, к бабушке, тебе кушать уже пора.

Всё по-речному.

Причал, толстые грязные верёвки – с берега на борт корабля.

Привязан надёжно.

Скрипучий железный трап – через узкую чёрную воду.

Внутри – тоже лестница, на второй этаж.

Внизу, в трюме, – бесплатная столовая.

В длинном коридоре, в ряду таких же, две их комнаты-каюты: одна для свёкров, во второй жили они с мужем. Кухонька в торце.

Внука бабушка держала при себе, чтобы не беспокоить вечерами сына.

– Ох, как хорошо, что ты пораньше пришла! Я еле дошкандыбала до кровати, вся изломалась, пока с утра общий калидор наполовину помыла...

Свекровь поставила на плитку чайник.

– Петро, ты чайку с бабушкой попьёшь? У бабушки сегодня конфетка есть, вкусная, а?!

– Буду, буду!

– Вот и хорошо! Снимай пальтишко, давай, я ручки тебе ополосну. Вставай вот здесь, в уголке, над тазиком...

Свекровь не притворялась, охала, держась за спину.

– Ты, Леська, не оставляй дело на потом, приберись сейчас там на второй половине, я ведь совсем позабыла, что сегодня наша очередь общие места мыть. Цаберку я тебе у выхода на палубу поставила, тряпка на воздухе, на поручнях, сохнет.

– Хорошо.

Ведро, швабра, тряпка из старого мешка, толстая, тяжёлая.

Не в первый раз.

На улице ещё тепло, да и в длинном корабельном коридоре никого нет, никто не видит, не мешает...

Уместились за крохотным столиком, поели.

Пили чай.

– Петя спит?

– Да, я уложила его у нас, закрыла дверь на ключ. Ничего не случится.

Олеся молчала, свекровь рассуждала, объясняла, успокаивала.

– ... Знаю я, знаю, что тебе не по нутру все мои слова, да что ж делать-то, я тебе не чужая, у меня обо всех вас сердце болит. Я давно вижу, что тебе воли хочется. Ну что ж, дождёшься, поживёшь, дай бог, и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делай что хочешь, не будет над тобой старших. А может, и меня добрым словом вспомняешь...

Свекровь прилегла на кровать.

– Терпеть надо, терпеть, потом нам полегче будет. Сегодня соседка наша, Егоровна, пришла из города, чего-то там с бумагами оформляла, говорит, что скоро нас в хаймы переселять будут, ну, в такие общежития для беженцев! Настоящие дома. Там каждому выделяют по комнате! И телефонные будки в самом общежитии есть, чтобы можно звонить родственникам! Школа для детей тоже рядом. А потом уже каждой семье отпишут самую настоящую отдельную квартиру, можно будет выбирать какую, и денег дадут на мебель!

– Враньё. Не верю я им...

Сын спал.

Уставшая свекровь тоже посапывала, уставшая, постанывала на своей корабельной койке. Было так душно, что хотелось бежать...

Потихоньку, стараясь не шуметь, Олеся вышла на палубу.

Солнце уже не было дневным, приветливым.

Сушилось ещё бельё на верёвках, растянутых между мачт.

Речной ветерок, прохлада, на просторе дышалось легко.

Тихий кашель.

Олеся вздрогнула, оглянулась.

Ничего страшного, на маленькой табуреточке, прислонвшись к ещё тёплой переборке, сидела старушка в большой коричневой кофте.

Свекровь недавно рассказывала про эту бабушку, что, мол, все, местные, кто живёт на корабле, знают её историю. Года два назад один взрослый мужик, переселенец, бессемейный, привёз с собой откуда-то из России в Германию свою маму, пенсионерку. Уговорил её, что на новом месте им вдвоём будет хорошо, беззаботно и сытно.

Мама поверила единственному и любимому сыну, продала там квартиру, купила на всё немного иностранных денег и золотых побрякушек, которых тоже посоветовал ей приобрести сын.

Как-то добрались они до Германии.

Ну, Кёльн, корабль...

Через день сын пропал.

Говорили, что видели его в каком-то албанском борделе, играл там азартно в карты.

И всё.

Мама осталась одна, без денег и без сына.

Безо всего.

Документы имелись, но временные.

Немцы не знали, что с ней делать.

Сын был жив, но неизвестно где, иногда передавал для неё какую-то мелочь на прокорм, обещал скоро приехать, забрать свою маму.

Она верила, ждала.

Быстро постарела, всё больше стала говорить непонятное.

Заботились о ней многие, кому доводилось пожить на корабле, словно бы предчувствуя, извиняясь и за свою возможную судьбу.

Старушка ещё раз кашлянула, улыбнулась Олесе.

– ... Вот, девушка, ты многого не знаешь, а я, по своей немощи, далеко не ходила; а слышала, страсть, как много чего. Говорят, такие страны есть, где совсем не живут православные, а одни глупые люди там земель правят. И суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас-то, дома, где мы раньше с моим сыном жили, закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему всё напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так они, милая девушка, и мне в просьбах отвечают, говорят, что не должна я и жить-то вовсе!

Светло-голубые глаза старушки казались глубокими и мудрыми.

– Вот ведь и такие земли вдалеке есть! Каких, каких чудес на свете ни бывает! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди поговорить приходят: нет, нет, да и услышишь, что на белом свете делается; а то бы так дураками мы тут все и померли.

Олеся вздохнула, крепче взялась за поручни, прищурилась, разглядывая далёкий зелёный парк и высокое небо над рекой.

– Не все дураки, не все...

Обернулась, улыбнулась через силу.

– Эх, бабушка, не знаешь ты моего характера! Если мне здесь всё опостылет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в реку кинусь! Не захочу здесь больше жить, так и не стану, хоть резать меня кто будет!

Старушка тоже помолчала, только плотнее поправила безобразную кофту на худеньких плечах.

– Суета, милая девушка, беготня.... Бегают народ по миру взад и вперед, неизвестно зачем. Суетной народ нынче пошёл, вот он и бегают. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный, людей не узнает; ему мерещится, что его манит некто, а придёт на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдёт он прочь в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Свежий человек, со стороны, сейчас видит,

что никого нет; а тому-то все кажется от суеты, что он кого-то правильного, нужного, догоняет. Суета-то, ведь она вроде туману бывает. В городах теперь гульбища да игрища, по улицам грохот идёт, стон стоит, а правильности нет... Тяжёлые времена наступили, милая девушка, тяжёлые.

Зазвенел в столовой колокольчик.

Издалека окликнула Олесю в окошко свекровь.

Заторопилась, вытерла ладошкой глаза.

– Пора нам, бабушка, пора! Это вас, бесплатных жильцов, зовут на ужин, не опоздайте, а то ведь не пустят! А мне идти надо, муж с работы вернулся.

– Не спеши, милая, побудь на воле ещё минутку. Вижу, что домой тебе идти, всё равно, что в могилу! В могиле и то лучше.... Под деревцом могилушка, как хорошо! Солнышко её греет, дождичком её мочит, весной на ней травка вырастет, мягкая такая... Птицы прилетят на дерево, будут петь, цветочки расцветут, жёлтенькие, красненькие, голубенькие, всякие.... Так тихо будет, так хорошо! А здесь, вижу, что и люди тебе противны, и дом этот чужой тебе противен, и стены эти тоже противны! Не хочешь ты идти к ним. И не ходи...

– Девка, ты чего там, заснула, что ли?! Мужикам ужин готовить надо, а ты спишь на ходу! Давай, быстрее пошевеливайся!

– Не умрёт он за пять минут с голоду, здоровый бугай...

– Отсохни твой язык, муж он тебе, а мне сын! Ты этого не забывай!

Свекровь матом погнала Олесю в кухню, в конец длинного корабельного коридора.

– Рабочим мужикам еда настоящая нужна, мясо, а не этот жиденький общий супчик! Наша кастрюля там жёлтая! Горячая ещё, не опрокинь!

Мужики ели жадно.

Свекровь суетилась вокруг них с расспросами.

– Ну как сегодня, много заработали?

– Не-а, не получилось...

– А чего так?!

– Та немец этот, который главный на стройке, спросил, кто умеет плитку класть, а я не умею.... Вот, весь день за всеми мусор и прибирал. Им больше заплатили. Я начал права качать, а он только смеётся, типа не понимает!

Оксана видела, как свекровь еле сдерживалась, чтобы не дать сыну подзатыльник.

– Лучше бы ты после школы в строяк пошёл учиться, а не на бухгалтера! Сейчас нормально бы зарабатывал... И не ругайся никогда с начальством, молчи, коли ничего не умеешь. Леська!

– Чего?!

– А ты чего столбом стоишь?! Беги на кухню, каклеты дожаривай!

Олеся глянула на свекровь исподлобья.

– Не ори на меня! Сыном вот своим командуй, ему такое привычнее.

– Ах ты...

Муж, не прожевав, вскочил со стула, схватил Олесю за плечо, замахнулся.

– Помогите!!!

Отшвырнул в сторону, раздались громкие, тревожные крики в коридоре.

Олеся затихла в углу

– Убью стерву самовольную!

Запричитала свекровь.

– Не думай! Из-за неё да себя губить, стоит ли она того?! Мало она нам страму-то наде-
лала, так и сегодня ещё такое затеяла!

Часть вторая **ЧУЖИЕ**

Я ни разу за морем не был
Сердце тешит привычная мысль
Там такое же синее небо
И такая же сложная жизнь
Может там веселей и богаче
Ярче краски и лето теплей
Только так же от боли там плачут,
Так же в муках рожают детей.
Может, я не совсем понимаю
Явной выгоды тайных измен
Отчего-то я чаще теряю
Ничего не имея взамен.
За какими же новыми благами,
Вольным воля, спасённому – рай,
Всё бегут, притворяясь бродягами
Пилигримы в неведомый край!
Что задумано, сделано пройдено
Бросишь всё, ни о чем не скорбя.
Только где-то кончается Родина
Если Родина есть у тебя
Оглянись на прощанье – и вот она
Под ногами чужая земля
То ли птицы летят перелетные
То ли крысы бегут с корабля

«Воскресенье»

Другой берег Рейна.

Олеся ещё ни разу не была в этом районе Кёльна, но нужный дом нашла легко, по теле-
фону всё поняла и записала адрес точно; при встрече хорошо поговорила с хозяйкой, догово-
рилась убирать у неё дома по средам.

Пожилая женщина даже дала ей небольшой аванс, только просила не опаздывать.
Угостила Галку печенюшкой в цветном фантике.

С утра было солнце, настроение после правильно сделанного дела тоже установилось лёг-
кое, прозрачное, светлое.

Машины не шумели.

Людей на тихих улочках тоже почти не было видно, рабочий день, середина недели.

Дочка со смехом вертелась рядом, перебегала с одного тротуара на другой, постукивая
каблуками ботиночек по брусчатке.

Над дорогой на деревьях чирикали скворцы.

– Поют...

– Нет, мама, ты что?! Это они так смеются!
Маленькая, смешная...

– Мама, мама! Смотри, птички! Много-то каких там! И попугайчики есть, давай, посмотрим, а?!

Посмотрим...

Не купим, а посмотрим.

За последние годы Олеся привыкла к таким просьбам сначала сына, а потом и дочери.

Удивлялись всему, радовались.

Смотрели.

Не покупали...

Небольшой магазин.

Стеклянная витрина, на ветках искусственных деревьев висят клетки с птицами, клетки тоже разные, маленькие и большие, простые и похожие на сказочные дворцы, построенные из разноцветных проволочек.

Дверь спокойно открылась, звякнул колокольчик.

Галка притихла за спиной Олеси, спрятав руки за спину.

У стеллажей в глубине помещения молодой мужчина в очках о чём-то разговаривал с худощавой черноволосой женщиной.

Олеся нахмурилась, потом улыбнулась, прислушалась.

Разговаривали по-русски.

– Вы что-то хотели купить?

Спрашивал мужчина, уже по-немецки.

– Мы зашли просто посмотреть.

Олеся ответила на русском.

Мужчина и женщина удивились одинаково быстро.

Он – стал развязывать, снимая, рабочий фартук, она – поднялась с диванчика и подошла к Олеся.

– Вы русские?!

– Как сказать.... Из Днепропетровска.

– Мы тоже!

– Из Днепропетровска?!

– Нет, нет, что вы?! Из Ярославля, из России!

Мужчина повёл рукой.

– Это моя жена Таня...

Молодая женщина подхватила.

– А это мой муж Толик!

Продолжила.

– Фамилия наша Савич, поэтому все наши друзья привыкли звать моего Толика просто Толич. И я тоже так привыкла.

– Я – Олеся.

– Да вы присаживайтесь, не стесняйтесь! Давайте знакомиться! Рассказывайте о себе, в этом магазине вы же в первый раз, правильно?!

Толич пододвинул Олеся небольшое уютное кресло.

– А девочка – это ваша дочка?

– Да, дочка.

– Как тебя звать, красавица?

Таня наклонилась, с ласковой улыбкой протянула руки.

– Галка.

– Ка-ак?!

Муж и жена дружно расхохотались.

– Хозяин страшно удивится, когда мы расскажем ему, что сегодня в его магазин прилетела такая чудесная птичка!

Смеялись.

– Можно, я пойду там посмотрю, на попугайчиков? Я ничего трогать не буду, правильно же, мама?

– Правильно.

– Смотри, смотри! Спрашивай, я тебе про всех птиц расскажу.

Толич присел перед Галкой, с улыбкой рассматривая маленькую забавную гостью.

– Пошли, начнём с тобой вот от этого окна.

– А мы приготовим всем нам кофе!

Таня привычно отошла к дальним полкам, среди которых виднелись маленькая газовая плита, холодильник, микроволновка и кухонная раковина с краном.

– Не стесняйтесь, Олеся! Отдыхайте, у вас же сегодня выходной, правильно?

– Почти. Вечером ещё есть работа...

– Вы давно в Германии?

– Да. С девяносто шестого года, почти восемь лет...

– Мы с мужем позже приехали.

От дальних окон доносился дочкин смех, Толич что-то ей там рассказывал, Галка переспрашивала его, они вместе смеялись.

– Она хорошо немецкий знает?

– Не хуже меня. Это я начала поздно язык учить, а она с первого дня, как только родилась. Сын тоже, сейчас у него в школе никаких проблем с этим нет.

– Вы молодец! Ведь она и по-русски хорошо говорит, да?

– Одинаково. Пригодится.

Через переплёты широких окон солнце квадратно падало на паркетный пол.

Было тепло и тихо.

Звенели птицы.

Смеялась дочка.

Ароматный, вкусный кофе...

Спокойствие.

– Это ваш магазин?

– Нет, нет, что вы! Здесь Толич работает, а я к нему иногда захожу, если по городу гуляю. Хозяин полностью доверяет моему мужу, никого из персонала в магазине больше нет, а сам владелец появляется здесь только в конце недели.

Таня была рада гостям.

Пододвинула своё кресло ближе к Олеся, с милым смущением начала спрашивать о серьёзном.

– Вы с мужем одни в Германию приехали? Или с родственниками?

– Куда мне такое самой решать?! Меня же ещё совсем девчонкой сюда привезли, сыну только три года тогда исполнилось. Я не хотела ехать, брыкалась, но свёкровь со свёкром настояли.... Их старший сюда раньше уехал, вот они к нему вроде как на воссоединение.... Дома, в

Днепропетровске, в то время трудно было жить, одни проблемы, вот меня и уговорили уезжать в Германию...

– А образование у вас какое?

– Почти никакое! Так, одно название... Знаменитое, громкое.

Олеся усмехнулась.

– Днепропетровский колледж ракетно-космического машиностроения!

– Ого!

– Да, вот так, ого... Я хотела после школы стать учителем или врачом, но мама настояла, что мне обязательно нужно учиться на бухгалтера-экономиста. Для ребят, кто в нашем колледже железками и чертежами занимался, там строго всё было: пропуска, проходная. А мы, бухгалтерия, так, вольница...

– А родители ваши кто?

И снова Олеся улыбнулась.

– Тань, давай на «ты», так проще разговаривать, да и я всего немного старше...

– Хорошо.

– ... Отец – парторг цеха, на производстве работал; мама занималась домашним хозяйством, подрабатывала посменно в котельной, чтобы больше заниматься семьёй.

– Русские или украинцы?

– Советские. Говорили в семье на русском, изредка только словечки какие-то местные были, выражения. В школе и язык, и литературу нам преподавали только на русском, украинский был как иностранный. В восемнадцать лет выскочила замуж, колледж заканчивала уже с животиком, была на восьмом месяце...

Олеся смотрела в окно, держала в руке чашку.

– ... Родители мужа вроде как евреи, не знаю, никогда не спрашивала, а они не признавались. Что у них было немецкого, тоже до сих пор не знаю, обычные работяги. Матерились, ссорились. Свекровь была нормальная, милая, а свёкор – дурак, как и его сыновья. Взбрело им в голову в Германию ехать, богатой жизни искать! Первым уехал их старший сын, потом нас, всех остальных, к себе вызвал. Моему сыну тогда три года было, не хотела ехать, силой заставили... Второй паспорт, на выезд, мне сделали уже украинский.

– Силой?! Как это?

Таня приложила ладони к лицу.

– Так это.... До сих пор плохо слышу.

– И всё это время вы..., ты с ними жила?!

– Да. Восемь лет. Общаги у нас со свекрами были разные, потом мы с мужем уже квартиру себе в городе снимали.

– В браке? Чувства были?

– Ещё в каком браке... Дочь здесь уже родилась, ей сейчас почти четыре годика, иногда при мне, если я на работе. Сын в школу ходит, умница.

– Вместе с мужем живёте?

– Год назад я на развод подала. Здесь, в Германии, с такими делами строго. Был развод, его лишили родительских прав за насилие к жене и детям. Суд постановил, что он не имеет права приближаться к нам ближе, чем на сто метров...

– Ужас какой!

Таня молча качала головой, ещё больше побледнела.

Вздыхнула.

– А где он сейчас?

– Не знаю. Говорят, что у него новая жизнь, занимается какими-то случайными работами.

– С детьми не встречается?

– Нет. После развода я даже сменила детям фамилии.

– К родителям, домой, не хотели уехать?

– Были мысли. Последнее время мы ведь почти каждый год ездили в Днепропетровск....

Думаю, что здесь моим детям будет лучше.

– А как твои мама, папа ко всему этому отнеслись?

– Мама плакала, поддерживала меня, папа тоже. Были рады моему разводу. С прежними знакомыми, друзьями, почти со всеми остались хорошие отношения, нормальные...

– Мама, мама, а мы с дядей Толичем сейчас попугайчиков и канареек кормить будем!

От дальних клеток к ним, к столику, мчалась взъерошенная, радостная Галка.

– Ну, уж нет!

Таня как строгая учительница подняла вверх указательный палец.

– Сначала мы, вместе с твоей мамой, накормим дядю Толича бутербродами с кофе, а тебя – тёплым молоком с медовым печеньем, а потом уж вы делаете там что угодно, угощайте, чем захотите, ваших любимых птичек!

– Ура! Моё любимое печенье!

Галка не стала никого ждать, убежала к попугайчикам с молочной кружкой и с тарелкой печенья в руках.

Толич успел только крикнуть ей вдогонку.

– Ты только не спеши, я сейчас приду к тебе и покажу, где лежит конопляные семечки для канареек!

– Хорошо, подожду!

Олеся встала с кресла, походила рядом, не мешая Тане готовить обед для мужа.

– А молоко-то откуда у вас здесь?

Высокий Толич захохотал.

– Не подумайте ничего такого, это не для птиц! Это Таня по пути ко мне всегда в магазин за свежим молоком заходит!

Олеся с улыбкой покачала головой.

– Вот ведь молодцы какие...

Сели за столик.

Большой Толич аппетитно жевал бутерброды, Таня и Олеся пили горячий кофе.

– А вы-то, вы с Толичем как?! Я тут всё про себя, да про себя... Вы откуда в Германию приехали?

Таня посмотрела на мужа, ласково взяла его за руку.

– У нас всё как-то по-другому... Мы из Ярославля. Вместе учились в университете, только Толич на биологическом, а я – на филфаке. Он орнитолог, птицами занимался, на биостанции, на водохранилище, всё время пропадал, а я – стихи писала, тоже вместе с ним по рекам путешествовала, фотографировать любила.

Олеся вздохнула, вытерла глаза.

– Ох, тоже мне, странники... Вас-то чего в такую даль погнало?! Образование получили, жили дома, занимались бы там птичками, диссертации писали, книжки разные! Почему именно в Германию эту дурацкую приехали?

– Птички там были, речки тоже, а вот работы никакой не было.... Выпустились, потыкались, потыкались по разным конторам, ничего подходящего по нашим профессиям там не нашли, вот мы и придумали...

Толич вытер руки фартуком, обнял Таню за плечи.

– ... Мой прадед всю жизнь занимался птицами, в его честь названа станция юных натуралистов в Ярославле, а прабабушку, его сестру, угнали в плен из-под Брянска. После войны она по каким-то причинам не стала возвращаться домой, осталась в Германии, вышла замуж, похоронена здесь.... Вот мы с Таней и решились сюда поехать, думали, что всё-таки Европа, больше профессиональных возможностей, у нас же университетские дипломы, образование...

– Ну и как?

– Вот...

Толич развёл руками.

– Кормлю птичек.

– А я их фотографирую. Только пока для себя, в журналы немного моих работ берут, и выставку персональную никак не получается сделать, всё обещают и обещают.... Есть договорённость с небольшим книжным издательством, хозяин там наш, русскоговорящий. Вот, жду.

– С языком сюда приехали?

– Я знала немецкий, учила в университете, а Толич быстро научился уже здесь.

– Счастливые вы...

Таня и Толич переглянулись.

– Почему это?

Олеся ещё раз торопливо вытерла ладошкой глаза.

– Потому что вместе.

Толич встал из-за столика, выпрямился, большой, сильный, отвернулся к окну, поправил мельком какую-то клетку.

– Поначалу мы восхищались здесь всем – ровненькие газоны, чистые дороги, дома, раскрашенные в приятные цвета. Черепичные крыши, никаких заборов – как в сказке! Под впечатлениями были долго, потом стали размышлять о дальнейшей жизни...

– У вас хоть язык был, всё легче! А мне, пока первые годы с детьми по очереди сидела, некогда было учиться, на улицу раз в неделю выбиралась.

– А знакомые? В гости ходили, общались?

– Какие гости?! Времени не было ходить куда-то, с кем-то знакомиться... Дети, работа. После развода я сама на социал арендовала квартиру, живу там с детьми. Две комнаты – в одной сын школьные уроки учит, в другой – мы с дочкой. Работать начинала случайно, добрые люди помогали, сейчас чаще всего убираюсь в домах, в квартирах, что-то подметаю на улице, если попросят, мусор собираю. Понимала, что без языка очень плохо будет так жить, всё надеялась на лучшее....

– Получился?

Таня всхлипнула.

– Олеся, милая, мы ведь, если что, можем с языком тебе помочь, у меня времени свободного много...

– Что ты, Таня! Я же, когда одна осталась, упёрлась, всё у меня стало получаться! Поначалу не могла отличить гутен морген от доброго вечера, потом на общественные курсы немного походила, газеты старые в мусорных ящиках собирала, читала их, пыхтела по вечерам, старалась, переводила! Потом познакомилась с девочкой одной, тоже приезжей, русской, Юлей, она у нас на курсах преподавала, стала к ней ходить заниматься. Это она, Юлька, посоветовала мне больше радио слушать, разбираться в новостях, в них знакомые слова чаще попадались! Она подсказала, где хороший язык, на какой радиостанции самые грамотные дикторы. Я и дома обедать детям готовила с этими новостями на всю кухню, приёмничек себе купила, и подъезды мыла всегда в наушниках, только не с музыкой какой модной, а с немецким языком!

Сын приходил из школы, я его теребила – как это говорить, как то правильно написать.... Потом телевизор купила, маленький, дети мультики теперь там смотрят, а я – новости – всё ещё учусь разговаривать. Так Юлька мне посоветовала. Говорение у меня хорошее, для обычной жизни вполне хватает! Иногда, правда, ставлю не там ударение, чувствую, что получается полная чушь.

Олеся засмеялась

Глядя на неё сквозь слёзы заулыбалась и Таня.

– Это не мы, это ты молодец! Как стойкий оловянный солдатик!

– Так уж и оловянный...

Потом Олеся и Таня заглянули в дальний угол магазина, потихоньку, не мешая, посмотрели, как Толич учит Галку кормить разных птиц.

– В этой клетке кто у нас сидит?!

– Канарейки! Они жёлтенькие!

– Правильно. Сейчас мы им насыплем немного конопляных семян, канарейки их очень любят. Запомнила?

– Да.

– Хорошо. А щеглам, вот этим разноцветным красавцам, дадим обычных семечек.

– И чистить семечки мы, что, не будем, так прямо и дадим в шелухе?

– Да, щеглы сами ловко семечки чистят. Смотри, видишь как?!

– Ой, правда, здорово!

Олеся наклонилась к Тане, пояснила.

– Хозяин съёмной квартиры, где мы живём, дед хороший, но не разрешает держать никакую живность дома. Сын как-то запросил собачку, я уже присмотрела на улице бродячего маленького цуцика – нельзя! Птичку какую – тоже нельзя, как я ни просила хозяина, как ни уговаривала.

Помолчали.

– Таня, а у вас дети есть?

– Нет.

– А заводить думаете?

– Я очень хочу, да и Толич тоже. Но он говорит, что надо немного подождать...

Снова к ним прибежала Галя.

– Мама, мама, пойдём домой, я кушать хочу!

– Ты же печенья только что вон сколько съела?!

– Я по-настоящему хочу кушать! Супу и картошки! Пошли быстрее!

Олеся обернулась к Тане.

– Вот так, проголодался ребёнок.... Да и сын из школы скоро вернётся, его тоже кормить надо. Ну, мы пошли? Спасибо вам за всё!

– Не прощаемся! Заходите ещё. Вы с Галкой такие замечательные!

– Олеся, вы обязательно заглядывайте сюда, в магазин! Мы с Таней приглашаем вас в кафе, ходим вместе, посидим, оно тут совсем рядом; там только наши, русские, по вечерам собираются! Познакомьтесь с кем интересным, поговорите, всё веселее станет!

– Спасибо, обязательно приду, как только время будет.

– Приходите, приходите!

Вышли на улицу.

Впервые за долгое время громадный чужой город показался Олесе добрым.

На набережной, на ветерке, она с заботой поправила Галке воротник вязаной кофточки.

– Доча, ты сегодня не устала?

– Нет, что ты, мамочка! Дядя Толич и Таня такие хорошие! И птички у них тоже хорошие, красивые!

Чужие дома, обстановка и привычки давно уже не удивляли Олесю.

Накормила дочку и сына, уложила Галку с книжкой в кровать.

– Отдохни немного, поспи...

За полчаса добралась до нужного места.

Улыбчивая старушка открыла ей дверь квартиры.

– Дополнительно заказала ещё ремонт небольшой. На кухне. Там рабочий. Он всё закончит, ты потом сделай на кухне тоже чисто. Я дам ещё оплату.

Обернулась в дверях.

– Я буду гулять в парке. Вернусь вовремя.

Снова улыбнулась.

Всё было знакомо и привычно.

У милой старой женщины в Альтштадте Олеся прибиралась уже давно, один раз в неделю, оплату получала сразу же, после работы.

Старенький пылесос и веник – там, где нужно выметать пыль по углам.

Сначала протёрла окна, мебель.

Включила телевизор, слушала новости.

Политика, власти чем-то там недовольны, советские военные памятники хотят где-то у себя рушить...

Добавила громкость.

Всё равно из кухни до неё доносились стуки, рабочий шум.

Только Олеся пошла в туалет, чтобы вылить использованную воду из ведра, как за стеной что-то с грохотом упало.

– Ч-чёрт!

Заглянула на кухню.

Мужчина в возрасте, в рабочем комбинезоне, бормотал сквозь зубы.

– Ч-чёрт! Ч-чёрт!

Держался за плечо.

– Помочь?

– Нет.

Положил на стол какой-то инструмент, с удивлением уставился на неё.

Олеся расхохоталась.

– Вы русский?!

– Да.

– Я тоже.

– Родственница её или работаете здесь?

– Да, прибираюсь иногда.

– А я вот холодильник ремонтирую. Хозяйка позвала по старой памяти.

Заторопился, вытер ладонь о куртку, протянул для знакомства.

– Романцев.

– А по имени, отчеству как?

– Да не надо... Меня все наши здесь, в Кёльне, знают по фамилии.

– Меня звать Олеся. А вы откуда?

– Из Калининграда, ну, из этого, который рядом здесь, на Балтийском море...

– Ага. А я вот из Днепропетровска приехала... Давайте мы с вами кофе выпьем, за встречу, а?!

Романцев помолчал.

– Да тут, вроде как, не принято хозяйским пользоваться...

– Не переживайте! Старушка мне разрешила кофе, я у неё давно работаю.

Романцев поморщился, улыбаясь.

– Что, больно?

– Да нет, чепуха. Вставал вот с пола, не посмотрел, с размаху ударился плечом о шкафчик. Всё нормально.

Олеся быстро, с опытом, приготовила кофе.

Не отвлекаясь от плиты спросила.

– А вы давно здесь, в Германии?

– С девяносто девятого. Уехал, как только Ельцин там, в России, фокусничать начал!

– С семьёй?

– Да, жена есть. И сын маленький с нами. Мы с женой оба калининградские, у неё бабушка была немка, осталась в городе после войны. Ну, все основания имелись, вот и дёрнули мы с супругой по этой причине сюда...

– А по профессии вы кто?

– Моряк. Механик по рефрижераторным, ну, по холодильным установкам, на рыбацком флоте. На плавбазах, на транспорте ходил, из Калининграда.

– Жена работает?

– Да, работает, но не здесь.... Пожила она в Германии несколько лет, посмотрела на всё это их устройство, заскучала, и вернулась в прошлом году с сыном домой, в Калининград. Работает там в библиотеке.

– А вы один?

– Да. Язык выучил, взяли мастером в городскую службу быта. Ещё ремонтирую холодильники в частном порядке, клиентов много. Заработаю денег, вернусь к своим...

– Ждут они вас?

– Ещё как! Я к ним в этом году уже ездил, скоро снова собираюсь.

Романцев допил кофе, аккуратно поставил чашку на стол.

– Ну, а вам, Олеся, как тут живётся?

– Без мужа. Двое детей. Скопить, заработать денег, даже и не надеюсь...

Начал собирать рабочую сумку, аккуратно, в правильном порядке складывал в неё инструменты.

– Ну вот, я закончил. Передайте хозяйке, что сегодня я её ждать не буду, загляну завтра, в это же время, проверю всё ещё раз, тогда мы с ней и рассчитаемся.

Перед дверью Романцев замаялся, словно собираясь сказать что-то важное.

– ... Чужие мы здесь, Олеся! Всё равно чужие! Нас приняли сюда как рабочую силу, как наполнение их нации! Сами-то они рожать не хотят, размышлениями и выборами всё заняты... Как только политика у немцев изменится, то нас первых пинками отсюда вышвырнут. Или гнобить всяко станут.... Так и будет, помяните моё слово! Лет через десять.

Олеся вздохнула.

– До свидания! Поздно уже, у меня работы ещё здесь много! Встретимся где-нибудь.

Закрyla дверь.

Полезных адресов в её записной книжке прибавлялось.

Почти все прежние старики-немцы помнили Олеся по хорошей работе, рассказывали о ней знакомым и родственникам.

Олеся не уставала, всё у неё получалось.

Не было необходимости никого и ни о чём просить.

Купила себе к осени пальто.

Первое после Днепропетровска...

На распродаже нашла зимние сапожки Галке, а в большом магазине, красивом, модном, не пожалела денег, купила хорошую курточку сыну, чтобы тому в школу не стыдно было ходить.

Дочку на улицу Олеся одну не выпускала, только когда сама была дома, готовила обед. Изредка они гуляли вместе в парке, на набережной, разговаривали, секретничали. В домашнем одиночестве Галка не капризничала, интересно играла с куклами, любила придумывать им одежду, шить красивые платьица, рано научилась читать; если что и просила у мамы купить, то только новых книжек.

У сына тоже как-то сложилась своя компания, приходили иногда к нему школьные ровесники, бывали и серьёзные, в очках, немецкие пацанчики, и весёлые русские мальчишки, и молчаливые маленькие азиаты.

Олеся всегда угощала их чаем, доставала к приходу гостей из дальнего шкафчика конфеты. Мальчишки никогда не запирались, не таились от её, сидели в комнате у Петра, звонко хохотали там и громко спорили о чём-то научном, чего-то всё изобретали.

Однажды, совсем уже поздней осенью, но ещё не зимой, листья с деревьев уже все облетели, но ни лужицы на асфальтовых улицах, ни мелководье городской реки ещё ни разу по утрам не покрывались ледком, Олеся пригласили поработать, сделать квартирную уборку по знакомому адресу, в том самом, дальнем районе.

Улыбнулась, собралась, пошла.

Узенькая улочка, брусчатка, большие стёкла витрины.

Попугайчики в клетках.

Колокольчик на двери.

– Вот это да?! Какими судьбами? Вы одна? А где же ваша птичка?!

Большой Толич размахивал руками, весело протирал очки, не зная, как правильно пригласить в магазин нежданную гостью.

– Проходите, Олеся, проходите! Я тут сегодня тоже один хозяйничаю, Татьяна зайдёт за мной только к вечеру, мы с ней договорились сходить на новую книжную выставку. Время сейчас есть, давайте мы с вами кофе будем пить и разговаривать!

– Не получится, Толич. Я ведь просто так заглянула к вам, на минутку, по пути. Просто хотела поздороваться, узнать, как вы тут живёте.... У меня работа, ждёт одна старушка, через пятнадцать минут...

Олеся посмотрела на часы.

– Да, через пятнадцать.

Толич огорчился.

– И Таня тоже расстроится, что не увиделась с вами...

Нахмурился, размышляя.

Улыбнулся, придумав.

– Вот что, Олеся! Время, чтобы откорректировать ваш будущий рабочий график, ещё имеется!

– Зачем? Для чего?

– Через неделю у моей Татьяны день рождения! Приглашаем вас!

– Куда?

– Помните, она в прошлый раз вам про русское кафе рассказывала, ну?!

– Помню.

– Вот там мы и будем отмечать день рождения! Через неделю, в субботу, в семь вечера.

И не вздумайте отказываться, моя Таня очень, очень расстроится!

Олеся куснула губу, недоверчиво улыбнулась.

– Я так давно не была ни на каких праздниках, отвыкла.... Даже не знаю...

– Решено. И не пытайтесь прогуливать! Домой после мероприятия мы отправим вас на такси! И не спорьте.

Пальто пригodiлось.

Олеся купила ещё и платье.

Туфли у неё были, летние, почти новые.

Взяла их с собой в пакет.

Причёску сделала, накрутилась перед зеркалом, в волнении вспоминая прежнее...

Галка вертелась рядом, ахала.

– Мама, какая же ты у меня красивая! Ты всегда так ходи по улицам! Люди будут на тебя та-акое внимание обращать!

Поцеловала дочку.

– Доча, я ненадолго, только поздравлю там Таню и вернусь, ужинайте сами. Ты у меня самая лучшая и любимая!

– Ты тоже, мамочка! И ещё ты красивая!

Стемнело по-осеннему рано.

На тротуарах было сухо, совсем не слякотно, звонко.

Кафе небольшое, три окна светились ярким.

На улице, около входа – несколько машин.

Олеся открыла дверь.

Шум, музыка.

Что-о?!

Как тогда, после школы...

«Жёлтые тюльпаны»!

Четыре столика сдвинуты вместе, три – стоят свободные вдоль окон.

Веселье ещё толком не начиналось, за общим столом разногласно разговаривали, все сразу же обернулись на вошедшую Олесю.

– Здравствуйте...

– Олеска! Милая! Ты пришла, какая же ты молодец! Проходи, проходи, пальто на вешалке оставь! Толич, помоги Олесе!

Таня вскочила, бросилась к ней навстречу, красивая, праздничная, сия радостными глазами.

– Я сама, сама..., ничего, не беспокойтесь...

Таня обернулась к гостям.

– Смотрите, знакомьтесь – это Олеся! Она из Днепропетровска!

Какой-то мужик, поначалу его не было видно из-за вешалки, закричал весело, громко.

– Во, здорово! Хохлушка к нам подъехала!

Голос был странно знакомым.

Олеся обернулась, удивилась.

– Романцев?! И вы здесь? Здравствуйте!

Мужик по-свойски полез обниматься.

– Говорил же, что скоро встретимся, а?! Вот! Романцева все в Кёльне знают!

– И где это ты успел с Олесей познакомиться?! Ну-ка, признавайся!

Романцев заважничал.

– По работе как-то встречались...

С улыбками встали из-за стола ещё двое, подошли к Олесе.

Таня обняла их, представила.

– Это Агнесса и Шурик, хозяева этого замечательного заведения! Муж и жена, наши друзья, а ещё они удивительные шоколадные труженики!

Толстенький Шурик суетился, с улыбкой приглаживая лысинку, женщина, значительно выше мужа, худая, строго рассматривала Олесю.

Протянула руку для знакомства.

– Агнесса.

– Олеся. Очень приятно!

Остальные сидели за столом, улыбались, когда Таня показывала Олесе на них.

– Это Игорь. Он ещё с конца девяностых перегонял машины в Россию, потом остался здесь, продолжает заниматься автомобилями.

Крупный седоватый мужчина кивнул, поднял руку, обозначаясь.

Таня усадила Олесю рядом с собой.

Обернулась к мужу.

– Толич, ты посидишь с краю?! Будешь приносить нам напитки!

– Слушаюсь, мой генерал!

Стало легко и почти всё понятно.

Оглядывая стол, и внимательно откликаясь на поздравления, Таня всё равно успевала заботливо, потихоньку, рассказывать Олесе и о гостях, и о хозяевах заведения.

– ... Шурик и Агнесса – из Казахстана, она значительно моложе мужа. В девяносто восьмом году переехали в Минск, немного пожили там, присматривались, но что-то с их шоколадным бизнесом не получилось, они почти сразу перебрались оттуда в Германию. У какого-то их

давнего друга в Леверкузене есть шоколадная лавка, он помог Шурику организовать это кондитерское кафе. Шурик в бизнесе неплохо разбирается, дела у них идут нормально. Хорошая пара, дружим уже давно, но...

Таня улыбнулась.

– Агнесса постоянно намекает, что она знатного происхождения, что какие-то её дальние родственники на юге Германии – бароны, аристократы! Все наши знают об этом, не спорят с ней, поддакивают при случае...

– Дети у них есть?

– Да, двое мальчишек, старшекласники.

– Ой, Таня, чуть не забыла!

Олеся вскочила, принесла с вешалки свою сумочку.

– Держи, это тебе подарок!

Небольшая светлая тряпочка, салфетка, на которой не очень умело вышита смешная чёрненькая птичка.

– Моя Галка старалась! Несколько вечеров пыхтела.

Таня взволновалась, заморгала.

– Сама?! Маленькая такая, пальчиками маленькими...

– Велела поздравить тётю Таню и поцеловать как будто бы от неё!

– Спасибо...

– И ещё.

Олеся протянула Тане бумажный пакет.

– Вино. Продавец сказал, что хорошее...

Семейная пара на дальнем краю стола потихоньку, посматривая друг на друга, начала выводить «Ой, цветет калина...».

Встал в полный рост, с рюмкой в руке, Романцев.

– Друзья! Позвольте сказать! Сегодня у нас знаменательная дата – день седьмого ноября, красный день календаря!

Толич крикнул весело, без обид.

– Сегодня же шестое!

Романцев лукаво улыбнулся.

– Так и я же не Маршак, вот, малость перепутал...

Таня продолжила.

– ... А вот та пожилая женщина, рядом с Романцевым, это учительница Галина Ильинична. Приехала в Германию одна, на что-то рассчитывала, знала язык... Жилось ей несладко, сразу по приезду не смогла перестроиться; чем старше человек становится, тем сложнее ему приспособливаться к новому. Галина Ильинична долго мыла посуду в разных забегаловках. Сейчас оформляет себе здесь пенсию, говорит, что обещают довольно неплохую...

Олеся прислушалась.

Галина Ильинична разговаривала с Игорем-перегонщиком.

– ... Конечно, я понимаю, что у немцев высокие налоги и социальные обложения, но никак не могу понять, зачем здесь школьникам уже в третьем классе начинают объяснять, откуда берутся дети?!

– Вроде как готовят к взрослой жизни...

– Зачем?! Дайте детству созреть в детях! Им же постоянно, на каждом углу, лгут! Учителя, родители, власти настойчиво убеждают детей: «Делайте то, что мы говорим, а не то, что мы делаем!». Разве так можно?!

К Олеся подошли двое, семейная пара, те самые, которые недавно пробовали петь.
Муж подставил к столу два свободных стула, они сели.
Жена улыбнулась.

– Олеся, расскажите нам о себе. Здесь мы все знакомы, а о вас так мало знаем! Будем дружить?

– Будем.

Таня взяла ладонь Олеся в свою, сжала.

– Говори, что считаешь нужным, не стесняйся!

Первые слова получились трудными, но скоро Олеся поняла, что именно от неё хотят услышать, начала говорить уверенно и убедительно.

– ... Вот, так три месяца мы и прожили на этом корабле. Потом, примерно, год, – в общежитие, в хайме. Комнатушки там были крохотные, грязные, мочой и потом воняли, говорили, что вроде как после югославов...

– Боженьки мои! Сколько же лет тебе было тогда, девонька?!

– Почти двадцать.

– И с ребёночком?!

– Да.

Вздыхнула.

– На кораблике можно было записаться на бесплатное питание, но там кормили скудно: суп из концентрата, хлеб с маслом и колбасой, чай. Такое многим нашим поначалу казалось дикостью.... Мы, приезжие, соглашались заниматься социальными работами: мыли полы, драили туалеты, чистили улицы. Русские переселенцы, люди образованные, с профессией, со стажем, вынужденно унижались, терпели.

Женщина начала прикладывать платочек к заплаканным глазам.

– ... Свёкор говорил, что за переезд в хорошее общежитие, его называли еврейским, нужно было платить взятку. Там жили достаточно обеспеченные люди, многие имели деньги, золото. Все они приезжали в Германию на автобусах, но потом почти все ездили по городу на машинах. Социал было запрещено тратить на машины, поэтому покупали их на чужие имена. Для самых богатых в общежитии была даже бильярдная. Там жили люди из Харькова, почти все они разговаривали на русском, западнцев в той общаге почему-то не было вообще. Взрослые переселенцы жили сами по себе, дети русаков, когда жили в хайме, держались вместе: ходили в школу, придумывали игры, гуляли.

На другом конце стола Романцев громко убеждал Игоря.

Тот посмеивался, недоверчиво качая головой.

– ... Не-е, американцы попроще будут, а вот бритиша – те злые, коварные!

– Ты-то откуда это знаешь?

– Знаю. Читал, интересовался. Вот, что такое, по-твоему, диверсант и террорист, а?!

– Ну...

– Гну! Если на линии фронта разведчики проникли в тыл врага и взорвали там его штаб – это диверсия. А если кто-то взорвал больницу для мирного населения – это терроризм! Война и есть война, а террор – это чтобы запугать простых жителей, заставить женщин и стариков паниковать, страдать и нервничать!

– Ты к чему это сейчас, не понимаю?!

Игорь действительно не понимал Романцева, но семейные, муж и жена, оставив в покое Олеся, продолжали слушать того молча, не перебивая.

– Поясню. Вот все мы живём в городе Кёльне, правильно?

– Правильно.

– Хороший город, красивый! Старинный, исторический. Слыхал же, что в годы войны его бомбили? Сильно, страшно бомбили!

– Да, знаю.

– Вот, правильно! А кто бомбил, знаешь?!

– Ну, наши наверно... Или американцы?

– Бритиша, чудак ты человек!

Романцев взмахнул руками.

– Англичане, сволочи! В мае сорок второго именно королевские военно-воздушные силы Великобритании сбросили на Кёльн почти полторы тысячи тонн бомб, обычных и зажигательных! А нахрена, скажи ты мне? Нахрена?! Зачем тысяча самолётов почти вдребезги расхреначили удивительный, красивый город? С какой такой военной необходимостью? Какую непобедимую фашистскую армию англичане этой бомбёжкой победили в мирном Кёльне?! Ни-какую! Это и был террор! Английские политики рассчитывали, что последствия налёта на город будут такими ужасными и разрушительными, что испугают обычных немцев, сильно подорвут моральный дух противника и заставят Германию капитулировать. Той ночью в Кёльне были уничтожены тысячи жилых зданий, больниц, церквей, школ, магазинов. И всего только один военный объект – казармы зенитной артиллерии! Почему так, я тебя спрашиваю?!

Романцев строго посмотрел на Игоря.

– Не знаю...

– Потому что это был террор!

– Ну, может быть, случайность тогда произошла? Мало ли что на войне бывает...

Игорь возражал уже не так уверенно, а семейная пара смотрела на громкого и уверенного Романцева робко прижавшись друг к дружке. За общим столом почти все притихли, слушая неожиданного оратора.

Романцев встал в азарте, стал расхаживать, не выпуская из руки полную рюмку.

– Случайность, думаешь, милый друг?! Не-ет, ни коем случае! Есть факты. Я вот в Калининграде родился, в бывшем немецком городе Кёнигсберге. Тоже старинный город, исторический, как и Кёльн...

– Его тоже бомбили?!

Пожилая учительница ахнула.

– Да, уважаемвя Галина Ильинична, тоже. И снова англичане, гады! В августе сорок четвёртого сотни бомбардировщиков, «ланкастеров», сбросили на центр мирного города полтысячи тонн бомб с напалмом!

– Ох!

– Да, именно так! Даже сами английские лётчики тогда называли своего верховного главнокомандующего Мясником Гаррисом, потому что именно этот урод устроил в Кёнигсберге настоящий огненный смерч и убил тысячи мирных жителей! По его приказу были сожжены районы старого города, не имевшие военных объектов, Королевский замок, Кафедральный собор с Валленродтской библиотекой, прекрасные кенигсбергские церкви эпохи барокко. Было уничтожено то, что старательно создавалось и накапливалось веками. Древний город превратился в руины, люди сгорали и у домов, и в подвалах! А потом...

Романцев вздохнул.

– Потом британское правительство официально назвало разрушение Кенигсберга в августе сорок четвёртого блестящей авиационной атакой!

Гости молчали.

Галина Ильинична старательно тянула вверх руку с вопросом.

Романцев уверенным жестом успокоил её.

– Понимаю, понимаю вас! Вы все хотите узнать, зачем бриташи угробили город?! Очень хорошо, отвечу. Уважаемые друзья, можете мне не верить, но я читал, подробно читал об этом, потому знаю, что говорю... Главное – на конференции в Тегеране в сорок третьем году Рузвельт и Черчилль согласились с предложением Сталина о передаче Кенигсберга нам, город после освобождения должен был отойти русским! Почему же англичане бомбили только исторический центр Кенигсберга, а не вокзалы, казармы, портовые сооружения и другие военные объекты? Почему налёты проводились в тот момент, когда наша доблестная Красная армия уже находилась на подступах к границам Восточной Пруссии? Это и есть тер-ро-ризм! Государственный терроризм! Английские министры считали, что ковровые бомбардировки немецких городов должны быть направлены на подрыв морального духа гражданского населения, особенно у рабочих промышленных предприятий, а целью таких бомбардировок обязаны стать жилые районы, а не военные верфи или скажем, авиационный завод! Особенно радовался и пыхтел своей сигарой Черчилль, он так и говорил про уничтожение старинного Кёнигсберга, что, мол, никогда еще не было принесено столько успешных разрушений на такой огромной дистанции и в такое короткое время! А через полгода они дорвались и до Дрездена...

Нахмурившись, Романцев невнимательно хлебнул из своей поднятой рюмки.

– Один поляк потом уже, после войны, писал в своей книге, что английские бомбёжки Кёнигсберга были террористическим абсурдом, дорогостоящей антирусской атакой.

Тихий голос Олеси испугал всех.

– Чего мы тут всё про войну, да про войну?! Мир же сейчас, а у Тани сегодня день рождения! Давайте за неё выпьем!

Романцев согласился легко, остыл от своих речей мгновенно.

– За нашу милую Танюшу – с радостью!

Почти сразу же после исторического выступления Романцева к Олесе подошла Агнесса.

– Поможешь с посудой?

– Конечно, конечно!

Суетливый Шурик с удовольствием занялся приготовлением кофе для гостей, а Олеса с Агнессой отнесли подносы с посудой на кухню.

– Ты верующая?

Олеся пожала плечами.

– Не знаю.... Отец партийный.

– Ну, когда это было, в прошлой жизни! А здесь ты в церковь ходишь?

– Нет, я даже не знаю, где она.

– А мы с мужем храм посещаем. На службы разные ходим, и по воскресеньям. Всё на душе полегче каждый раз становится...

Махнула посудной тряпкой в сторону окна.

– Это рядом с центральным железнодорожным вокзалом, храм Святых Константина и Елены.

– Там на русском всё?

– В конце девяностых в храме ввели второй язык, церковнославянский.

Привычная работа.

Посуды немного, светло.

Агнесса с одобрением посмотрела на ловкую Олесю.

– Ты не куришь?

– Нет.

– А я подымлю...

Открыла форточку

– Извини, что интересуюсь. Как у тебя с личной жизнью? Кто-нибудь есть?

Олеся пожала плечами, посмотрела в пол, промолчала.

– А чего ты с Романцевым не встречаешься? Он же ещё крепкий мужик, хорошо зарабатывает, за ним не пропадёшь. Читает много. Правда после третьей рюмки почти всегда начинает топить за монархию.

– У него своё счастье. А я не диверсант какой, не террорист, чтобы чужую жизнь рушить.

– Ладно, проехали.

Агнесса крепко затянулась напоследок, размышляя.

Прикрыла окно.

Вытерла бумажным полотенцем руки.

Решительно загасила сигарету в мойке, выбросила в мусорное ведро.

– Та-ак, что мы имеем? Молодая, несчастная на сегодня в личной жизни Олеся.... Варианты? Вариантов пока нет. Это плохо, совсем никуда.... Тогда давай по ликёрчику, подружка?! За знакомство?

Олеся улыбнулась, махнула рукой.

– А-а, давай!

Агнесса, тоже с улыбкой, подняла рюмку.

– Мы тут с сыновьями собираемся на экскурсию в музей шоколада. Можем и тебя с дочкой прихватить, а?

Когда Олеся приехала домой, дети ещё не спали.

Выскочила из комнаты навстречу Галка, смешная, лохматая, в пижамке.

– Мама, мама пришла! Там, на дне рождения было хорошо?!

– Хорошо. Тебе привет от тёти Тани, от Толича. И брату твоему тоже...

Сын вышел из своей комнаты заспанный, тоже улыбался.

– Всё в порядке, мам?

– Всё, всё, не волнуйтесь. Дайте, я пальто сниму, переоденусь, умоюсь и всё про всех вам расскажу!

Шумела прохладная вода.

Олеся задумчиво смотрелась в зеркало.

В ванную прибежала, постучалась, Галка.

– Мама, тебе телефон звонит!

Наскоро вытерла полотенцем лицо.

– Да, слушаю.

– Олеся, не беспокойся! Это я, Таня! Ты же у нас подарок для дочки позабыла! Агнесса приготовила для твоих детей сладости, шоколад там всякий, кексики, упаковала, а ты так быстро выскочила на такси!

– Ничего, не волнуйтесь, я смогу на неделе к ним в кафе зайти...

– Не надо, не надо тебе беспокоиться! Мы тут ещё сидим с гостями за столом, просто Макс только что подъехал, он опоздал, на работе задержали, на минутку заглянул к нам поздравить меня, спешит! Мы попросили его отвезти коробку тебе, ему по пути, через пять минут будет у твоего дома, он на машине.

– Что за Макс?

– Я тебе что, о нём не рассказывала?! Макс наш, русский, из Москвы, лет пять уже здесь с семьёй живёт. Он нормальный, спокойный такой. Бывший военный, сейчас в Бонне, в гражданском аэропорту самолёты ремонтирует, ещё чего-то там охраняет, не знаю.... Выскочи на улицу, встретить, он подниматься к вам не будет. Спасибо, Олеся, ты такая хорошая!

Выглянула в окно.

Худощавый парень стоял у машины, смотрел себе под ноги.

– Вы Олеся?

– Да.

Запыхалась, сбегая по подъездной лестнице.

– Вот, это вам. Велели передать.

– Да, знаю, Таня уже звонила.

Высокий, жилистый.

Взгляд глубокий, пристальный.

Спереди на тёмной чёлке забавное седое пятнышко...

Как у милого, смешного жеребёнка.

– Спасибо.

Галка ждала её у окна.

– Мама, а с кем ты сейчас разговаривала на улице? Это же не наш папа, да?!

– Почему?

– Наш настоящий папа толще, я помню. А этот худой и седой какой-то...

– Зато он хороший человек.

– А как его зовут?

– Макс.

– Правда?! Честно?

– Пока не знаю...

Ночью Олеся никак не могла уснуть, долго и тихо ревела в подушку.

В следующую субботу за Галкой с утра заехал автомобиль.

Красивый, серебристый.

Агнесса вышла из машины важно, но одета была по-простому, в джинсах, кроссовках и в куртке. Её сыновья, два высоких паренька, стояли на тротуаре молча, в одинаковых свитерах и ветровках.

– Мои богатыри!

Обнялись.

Олеся выскочила на осеннюю улицу в домашнем халатике, Галку она одела потеплее, с запасом.

Улыбаясь и вздыхая, Олеся радостно подталкивала дочку к Агнессе, Галка смущённо не отходила от мамы.

– Не беспокойся, подруга, мы недолго, до обеда обязательно верну твою красавицу домой! Никаких неожиданностей на экскурсии не будет, мы-то уже в этом шоколадном музее несколько раз были, там всё достойно, уютно, детям нравится.

– Нет, нет, ты что! Я нисколько не переживаю! Жалко только, что у меня сегодня времени нет, вместе с вами туда съездить...

– Ничего, какие наши годы! Как-нибудь мы с тобой без детишек туда закатимся, всяких вкусных штучек наедемся!

Агнесса весело подмигнула Олеся, обернулась к сыновьям.

– Ну что, поехали! Усаживайте маленькую подружку с собой, берегите!

Олеся помахала вслед отъезжающей машине и, стараясь не плакать, всё-таки прижала ладошку к губам.

Ну вот, всё правильно, всё получается...

Хорошо.

А через час, уже в дороге, когда Олеся собралась и шла на свой первый в этот день рабочий адрес, позвонила Татьяна.

– Привет! Я совсем коротко, не буду тебя отвлекать. У меня радость – только что сообщили, что через две недели будет моя персональная выставка! Да, фотографии природы! В городском зале, в небольшом таком, ты его не знаешь.... Так что готовься, обязательно приходи на открытие! Двадцать первого ноября, в двенадцать дня. Адрес? Да я его и сама ещё толком не запомнила, перезвоню позже... Ура, ура! Жду. Целую тебя, Олеська!

И это правильно.

И это – хорошо.

Действительно, ещё не стемнело, вернулась Агнесса с детьми.

– Принимай товар, в целости и сохранности! Удивительная у тебя девчонка! Умница и спокойная.

Ужин Олеся уже успела приготовить, ждала и сына с учёбы, но тот задерживался.

Галка махнула рукой.

– Не хочу ужинать! Они меня там всем сладким та-ак наугощали, я просто лопаюсь! И тебе, мамочка, я гостинцев привезла, смотри, вот...

Из карманов куртки Галка начала торопливо вытаскивать пакетики, конфеты, шоколадки.

– Агнесса всем нам это всё покупала, а я тебе берегла! И ещё я вот эти зефирки в шоколаде в викторине выиграла! Я там два вопроса отгадала!

– Понравилось?

– Очень-преочень! Давай, потом, когда у тебя работы не будет, мы туда съездим ещё раз, все вместе, ладно, мамочка?! Я запомнила, куда ехать.

– Обязательно.

За столом Олеся невнимательно ела привычный суп, а Галка пила чай со своими трудовыми зефирками и громко рассказывала про такой хороший шоколадный музей.

– ... Там столько много людей! Вокруг река, а музей похож на корабль! Там всех нас учили, рассказывали, как делают шоколад! Сначала в дальних странах выращивают специальные тропические растения, а в музее они растут в больших теплицах. Потом это всё смешивают и делают шоколадки! Тётя в белом колпаке прямо перед нами делала такие шоколадки и угощала всех! А ещё там есть сладкий фонтан! Он высоченный, в него можно обмакивать вафли, чтобы они получались шоколадными...

Олеся улыбнулась, отнесла уставшую дочку умыться, раздела, уложила в кровать.

Сонная Галка успела прошептать:

– ...И они там делаются такими вкусными...

До воскресенья была только работа.

С утра Олеся предупредила детей, что идёт на выставку к тёте Тане и стала собираться. Галка старалась быть серьёзной и взрослой.

– Тебе сегодня нужно отдыхать, ты и отдыхай, не думай ни о чём трудном, мы здесь сами со всем справимся. Отдыхать надо, я знаю! Я ведь тогда в шоколадном музее так здорово отдохнула, теперь твоя очередь! Ещё передавай от меня привет тёте Тане и Толичу, обязательно скажи, что они хорошие, и мы их очень любим!

– Обязательно.

Здание выставочного зала – совсем не в центре.

Другие люди, другие стены, свет, запах.

Выставка фотографий казалась не очень большой, людей было немного, после речей открытия – только тихие разговоры и восклицания.

Дышалось легко.

Свободно.

Без ежеминутного тягостного осознания, что прямо сейчас нужно делать что-то неминуемое, неприятное, грязное, обязательное.

Не нужно было думать о деньгах.

Таня сияла.

Толич стоял в углу, за ней, в тёмном строгом костюме и в галстук, а Таня...

Она была счастлива!

И в минуты торжественных официальных речей, когда звучало её имя, и позже, когда к ней подходили люди и о чём-то почтительно, с интересом спрашивали.

По-русски, на немецком.

Олеся не хотела никому мешать, поэтому решила начать смотреть фотографии с правой стороны от дверей, где было поменьше людей, но неожиданно её негромко окликнул Толич.

– Привет.

– Привет! Как у вас тут всё здорово!

– Не спеши, начни смотреть вот отсюда.... Пошли, покажу.

Может, где-то чудеса когда-то и бывали, но Олеся уже отвыкла думать о них.

А тут...

Мгновение – и она снова начала верить.

Главная фотография, самая большая.

Рядом стояла Таня, что-то объясняя какому-то представительному господину в очках, с тростью, в галстук-бабочке. Его спутница, пожилая дама, внимательно слушала их и тоже улыбалась.

А на фотографии...

Оксана охнула.

Галка! Её маленькая, такая родная Галка!

Милая, смешная...

Личико в профиль, у окна.

Галка восторженно, нагнувшись вперёд и приоткрыв в восторге рот, смотрит на клетку с разноцветным попугаем, сидящим там на жёрдочке. И попугай, точно также, внимательно опустив головку навстречу Галке, с раскрытым клювом, смотрит на неё.

Почти вплотную, через прутья, птица и маленькая девочка касаются друг друга взглядами.

– Может, присядешь?

Толич аккуратно тронул Оксану за плечо.

– Да, да.... Где тут можно посидеть, мне чего-то...

Присела.

Не слышно никого.

Не видно никого.

Только маленькая счастливая девочка и разноцветный попугай.

Толич позвал Таню, принёс в стаканчиках всем кофе.

Олеся ревела, не стесняясь.

– Таня, Танюша, милая.... Теперь я поверила, теперь я точно знаю, что нужно делать для моих детей.... Я всё смогу! Я всё сделаю! Я буду ещё больше работать, я, я...

– Успокойся, пожалуйста!

Таня присела рядом, обняла Олеся, принялась вытирать платочком ей лицо.

– Всё у тебя получится! Ведь ты у нас, Олеська, такая...

Пили кофе.

Олеся улыбалась сквозь слёзы.

Таня смотрела на неё и тоже качала головой.

Толич, отвернувшись, молчал рядом, у окна, никак не выпуская из руки давно пустой бумажный стаканчик.

– Олеся, ты посидишь ещё здесь несколько минуток? Мне нужно с организаторами по одной теме немного поговорить, а?

– Да, да, конечно! Не волнуйся – я в порядке.

Таня шутливо погрозила пальцем.

– Смотри, без меня не плачь!

– Не буду. У меня запас слёз маленький, весь уже закончился....

На прощанье, по итогам выставки, седой господин произнёс речь.

Улыбался, говорил только хорошие слова о Татьяне, восхищался её мастерством.

Совсем скоро всё закончилось.

Олеся уже оделась, ждала на улице у выхода Таню и Толича.

– Ты чего такая хмурая? Со здоровьем что?

Таня взяла Олеся за руки, внимательно посмотрела в глаза.

– Нет, со мной всё хорошо. Просто сейчас, в холле, пока вас ждала, по телевизору новости были. Я заметила картинку, там Киев показывали! Постояла, послушала...

– И чего?

– А-а! Наши президенты там опять гавкаются, власть делят. Сегодня же у нас на Украине выборы, один кандидат уже радуется, второй недоволен, людей зовёт на Майдан Незалежности, протестовать. Как бы там чего плохого не получилось...

– Не переживай! Они – там, а ты – здесь! Тебя же дома дочка ждёт, она у тебя такая милая!

Галка почти плакала, но держалась.

Испуганная, с грязной посудной тряпкой в руке, с испачканным копотью носом.

В квартире страшно пахло каким-то неприятным дымом, Галка носилась от одного открытого окна, в кухне, к другому, в комнате, всюду махала там тряпкой, выгоняя из комнат дым.

– Что тут у вас произошло?! Где брат?

– Мамочка, ты его не ругай, это я немножко виновата...

– Где он?!

– Они ушли. Он с друзьями делал у нас на кухне опыты, они спорили, изобретали какой-то новый, очень прочный, пластилин! Вот. Поставили в ковшике на плиту какие разноцветные шарики разогреваться, а сами ушли в его комнату снова спорить. Меня попросили смотреть за опытом, а потом, как будет всё кипеть, их предупредить...

– А ты?

– А я...

Галка наклонила голову, вытерла под носом тряпкой.

– А я играла в Золушку в нашей с тобой комнате, шила ей новую юбку.... Когда дым везде повалил, то мальчишки кричать стали.

– Не ругали тебя?

– Нет, смеялись. Потом они собрали свои горячие пластилиновые шарики, и ушли куда-то, снова обсуждать...

– Куда?

– Не знаю. Наверно туда, где дыма нет.

– Ладно, давай закрывай окна, а то на улице холодно.

На следующий день, в понедельник, Олеся ухитрилась так спланировать свои разные работы, что утром оставила Галку у Толичей, договорилась, что вечером зайдёт за дочкой, и они все вместе сходят в кафе к Агнессе.

Так и получилось.

– Не устала?

– Нет. Пока на ногах – не устаю, только вечером тягость наваливается, спать очень хочется.

Постороннего народу в кафе было немного, они втроём сели пить кофе.

Олеся рассказывала про своих изобретателей пластилина, смешно изображала растерянную, чумазую Галку.

Все хохотали, угощали отважную Галку печеньем.

Олеся попросила Агнессу включить телевизор за стойкой.

– Негромко так, я тихонько посмотрю новости и всё.

– А чего там такого?

– Я уже говорила Тане, что в Киеве вчера начались какие-то скандалы, забастовки, политики из-за власти грызутся. Как бы не перекинулось это всё дальше, я за родителей беспокоюсь...

Ничего не понятно.

Толпа людей на Майдане Незалежности, все кричат, машут оранжевыми флагами, ставят зачем-то прямо на асфальт палатки, немецкий диктор в телевизоре орёт, что выборы на Украине неправильные, что народ там требует новых выборов.

А ну их...

Олеся накинула пальто, вышла на улицу с телефоном.

До своих дозвонилась быстро.

– Мама, мама, здравствуй! Да это я! Нет, у нас ещё не вечер, мы тут с Галкой у друзей в гостях, кофе пьём. Мам, как у вас там дела, я смотрела новости по телевизору, в Киеве какая-

то непонятная заваруха на улицах происходит. Как у вас, в Днепропетровске, всё спокойно? Чего?! Студенты бастуют? Вот дураки маленькие! Ничего, скоро перебесятся. Чего ещё?

Олеся захохотала, оглянувшись по сторонам.

– Ну, мама, это полная ерунда! Никаких танков никто в Киев не пошлёт! Чушь это всё! Ты лучше отца береги, чтобы он сердце себе не беспокоил. Всё, всё, мам, меня уже ждут, позвоню завтра!

Пока разговаривала по телефону на улице, не заметила, как в кафе появился Романцев. Захохотал, бросился к Олеся обниматься.

– О, хохлушка наша! Привет! Ты чего там, у себя на Украине, беспорядки такие допускаешь, а?!

Она не успела ответить, Романцев поднял рюмку.

– Мы-то уже всё это проходили. Я же всё прекрасно помню, сам в девяносто девятом Ельцину импичмент объявлял!

Слушатели заулыбались.

– Да, да, было такое! Коммунисты жёстко тогда прессовали Бориса Николаевича, начали даже собирать голоса за его отставку. Я тоже подписался! После дефолта в августе на улицах носили плакаты «Ельцина в отставку!». Обвиняли его и в Беловежских соглашениях, в расстреле Белого дома, и в чеченском бардаке. Боря тогда ещё ненадолго удержался, а я вот, несогласный с ним, сюда свалил...

Романцев резко закончил свою взволнованную речь, хватанул рюмку и жестом попросил Шурика наполнить её ещё раз.

Сморщился, откашлялся.

– ... А у вас, Олеся, похуже нашего скоро будет! Знаю, хохлы люди упёртые, себе на уме, а ум не у всех их всегда правильный. Вот так.

И всё равно Олеся было хорошо.

И с работами вовремя она справилась, и с мамой поговорила, и люди вокруг сидят добрые, не противные, и Галка рядом смеётся.

Поболтали с Таней

Подсел к ним Толич.

– Послушай, Леся, давайте съездим на следующих выходных на канатную дорогу, покажемся, а?! Ты детей возмёшь, Таня пофотографирует, в зоологический сад вместе сходим! Давай, соглашайся?!

Таня молчала, таинственно улыбалась.

– Так это ты придумала, а мужа заставила меня уговаривать?! Коварная!

Толич дружно расхохотались.

– Не сердись, Олеся! Давай, взаправду, ты с детьми на природу выберешься?! Осень же вокруг, красота сплошная!

– Ну, хитрецы...

Олеся задумалась.

– Сын вряд ли согласится, он мне уже сказал, что их класс в следующее воскресенье учителя везут на автобусе в Бонн, на какую-то интересную химическую лекцию для школьников и что ему отказываться крайне неразумно...

– Так прямо и сказал?! Такими словами?

– Да, он так всегда у нас говорит.

– Грамотный парень! Далеко пойдёт.

Сунулась за общий стол Галка, отвлекшись от своего мороженого.

– Он у нас ещё негорючий пластилин скоро изобретёт, вот!

Потом, когда все уже отсмеялись, Олеся незаметно наклонилась к Тане.

– Вряд ли и я поеду с вами, самочувствие не то...

– Что-то серьёзное?

– Нет, так... Женские дела. Возьмите с собой Галку, она будет рада.

– Хорошо.

Посидели, начали собираться.

Первыми попрощались, ушли Толичи.

Галка сидела в зале за столиком, смотрела мультики по телевизору.

Агнесса занималась вечерними посетителями, там заказала кофе немолодая пара, сел за столик изучать меню приличный, тоже в возрасте, мужчина.

– Болгарин.

Агнесса кивнула на посетителя.

– ... Ходит пить кофе только к нам. Молчит всегда, читает газеты.

Олеся задумчиво крутила в пальцах бумажную салфетку.

Агнесса приобняла её.

– Ты сильно-то не грусти, я вот что подумала...

– О чём подумала?

– О тебе! Тебе, подружка, нужно срочно социализироваться!

– Чего это такое?! Зачем?

– Жизнь проходит, а ты, судя по всему, так с тряпкой и ведром в руках свои годы закончить и хочешь! Германия – страна больших возможностей, но здесь нужно уметь находить информацию и действительно хотеть чего-то большего, чем корячиться за копейки в грязных коридорах.

– Я хочу, но....

– А чего тогда не действуешь?!

– А как?

– Слушай, я придумала.

Агнесса под села ближе к Олеся.

– Нужно двигаться, чего-то добиваться, чего-то хотеть! Ты вот как-то говорила, что родители против воли засунули тебя в этот чёртов бухгалтерский техникум, так ведь?

– Так.

– И что ты хотела быть или учителем, или врачом, так?

– Да.

Олеся грустно улыбнулась.

– В моём ракетном колледже всё знали, что если ссадина какая у кого, то это ко мне в первую очередь нужно бежать! Мальчишки, особенно на занятиях по металлообработке, часто пальцы нечаянно инструментом кровянили, с непривычки, а я их лечила. У меня в сумочке всегда бинт был, йод, нашатырь и валокардин.

– Вот, видишь! И получать в медицине будешь больше, чем сейчас, махая по вечерам мокрой шваброй! Капельницы будешь ставить, уколы делать и всё такое прочее!

Агнесса запросто, легко матюгнулась, перешла в наступление.

– Короче, хочешь прямо сейчас стать врачом?! Ну, не профессором, конечно, каким знаменитым, а простой медсестрой, допустим?

– Разве такое возможно?!

Олеся закусила губу.

– Да у меня и денег таких нет, переучиваться, и возраст не тот, не девчонка. Работать надо, деньги для детей зарабатывать...

– Дура! Извини, я это любя.

Агнесса снова обняла Олеся.

– Знаю, что не со зла...

– Не грусти, я всё узнала. Слушай, имеется хороший вариант. У моего Шурика есть знакомый немец, жена которого работает в медицинской фирме. Она ведёт курсы подготовки амбулантов, так они у них называются. Ищут среди приезжих, среди наших, но берут не всех, только по рекомендации! Сделаем тебе рекомендацию, поучишься немного, будешь работать доктором!

– Не смешно...

– Зато денежно. Раза в три будешь больше получать, чем сейчас! Всегда в чистом, работа по графику, к клиентам возят на машинах фирмы!

– А что за работа?

– Ага, проснулась!

Агнесса засмеялась, быстро сбегала в зал, обслужила болгарина, принесла ещё кофе себе и Олеся.

– Уход за пожилыми людьми на дому! Уборка их жилья, приготовление пищи, мелкая помощь в быту. Надеть чулки, носки, уколоть инсулин. Перебинтовать, если врач такое прописал. Одеть, накормить, измерить сахар, давление. Старики и старушки здесь обычно не вредные, у них всё есть, они своей государственной системой выдрессированные, живут и тихо радуются!

Столько всего в голове...

Она молчала.

Продолжала напористо говорить, не убеждать, а как о решённом деле, Агнесса.

– В крайнем случае, если тебе когда денег нужно будет перехватить, заплатить за учёбу, то я помогу. Решайся! Новые люди, круг общения другой, уважение. Дети тобой ещё больше гордиться будут, для них, в этом возрасте, красивая и очень уверенная в себе мама – это очень, очень важно!

Олеся недавно ошиблась – слёзы у неё ещё не кончились.

Заревела опять.

– Ты это всё серьёзно мне говоришь?!

– Серьёзнее не бывает.

Агнесса снова бдительно прошлась по залу, собрала пустые тарелки, чашки.

Вернулась.

– Машину водить умеешь?

– Нет.

– Нужно учиться! На курсы записаться, здесь это просто.

– Как?! За такие курсы тоже ведь нужно платить...

– Ничего страшного! Шперлинг подскажет, где лучше, где выгоднее, он всё про это знает!

– Кто такой Шперлинг?

– Так это же Игорь наш, ну, мужик такой молчаливый, у нас в кафе часто бывает. Он ещё на дне рождения у Татьяны тогда был! Автомобильный перегонщик!

– Тот Игорь?! Какой он воробей! Он же здоровенный, как бык какой-то!

– Да, да, он! Я его вызвоню, всё узнаю, а потом встретимся с тобой, наметим, как будем действовать.

Чувствуя, что разговор складывается удачно, Агнесса заговорщически наклонилась ещё ближе к Олесе.

– ... На вызовы тебе будет можно ездить на своей машине – медицинская фирма компенсирует бензин и доплачивает сотрудникам за эксплуатацию их автомобилей! Выгодно же!

Слёзы у одной и слова у другой закончились.

Начали прощаться.

– Ты завтра занята, работаешь?

– Да, до самого вечера.

– Отпустишь с нами Галку в церковь, мы на службу всей семьёй вечером идём? Она девчонка любознательная, ей интересно там будет, не всё же одной дома сидеть. Ты не против? Мы заедем, и потом домой её тоже привезём.

– Хорошо, я поговорю с ней. Во сколько, если что?

– Можем вечером, часов в пять, заехать.

Игорь появился вовремя.

– Привет, девушки! О чём думаете?

– О тебе.

Улыбнулся, громко хлопнул ладонями.

– Обнадёживает!

Агнесса пошла за стойку, обернулась.

– Кофе будешь?

– С бутербродом.

– С каким?

– С большим.

Игорь захохотал, довольный.

– Так чего, девчонки, машинка вам понадобилась для дамского форсу?! Для выезда в свет, так что ли?

Агнесса погрозила Игорю кулаком.

– Не дури. Нашей Олесе машина для работы нужна. Одной ей с этим делом не справиться, давай помогай.

– Так бы сразу и сказали...

Скрывая смущение, Игорь принялся жевать бутерброд.

– Какая работа? Какая машина нужна?

– Для медицинского обслуживания, она будет вроде как медсестра на вызовах для пожилых.

– Понятно.

Игорь вытер руки бумажной салфеткой, пододвинулся ближе к столу, отхлебнул кофе.

– Опыт медицинский есть?

– Да она доктор по природе! Если что, то дивизию таких как ты бугаёв, за минуту перебинтует, жгуты где надо всем наложит! Короче, нужно удостоверение. А ездить мы с тобой её научим, Олеска у нас способная – у неё ракетно-космическое образование!

– Ого! Короче, завтра я принесу тебе, сюда, образец договора с автошколой, заполните, справитесь. Подготовлю пакет необходимых документов, скажу, когда его нужно отнести в ратушу, там ещё нужно будет пошлину оплатить...

– Много?

Игорь посмотрел на взволнованную Олеся, улыбнулся.

– Как будто пиццу покупаешь, не больше.... Считаем, что курсы первой помощи ты уже прошла, всё знаешь, всё умеешь. Поняла?

– Да.

– Права будем делать временные, потом разберёмся.

Агнесса весело подмигнула Олеся, подбоченилась, посмотрела на Игоря.

– Будешь ещё бутерброд? За счёт заведения?

– Буду.

Рядом – свои.

Вокруг – чужие.

Часть третья

ЗА ЧТО?!

На фотографии в газете
нечетко изображены
бойцы, ещё почти что дети,
герои мировой войны.
Они снимались перед боем -
в обнимку, четверо у рва.
И было небо голубое,
была зелёная трава.

Никто не знает их фамилий,
о них ни песен нет, ни книг.
Здесь чей-то сын и чей-то милый
и чей-то первый ученик.
Они легли на поле боя, -
жить начинавшие едва.

И было небо голубое,
была зелёная трава.

Забыть тот горький год неблизкий
мы никогда бы не смогли.
По всей России обелиски,
как души, рвутся из земли.

... Они прикрыли жизнь собою, -
жить начинавшие едва,
чтоб было небо голубое,
была зелёная трава.

Римма Казакова

Пронзительное осеннее солнце.
Хрустальный холодный воздух.
Жёлтые листья сами по себе шуршат на камнях мостовой.

Блеск стремительных паутинок.

Набережная большой реки.

Рейн.

Пёстрая лента милых, трогательных домиков на другом берегу.

Кричат в деревьях почему-то зелёные, длиннохвостые, птицы.

Олеся поправила тонкую перчатку, подняла воротник пальто.

Стук её каблучков.

Дверь.

Тепло.

Запах кофе.

– Привет, подружка! Отлично выглядишь!

– Ты тоже.

Сели за столик.

Как всегда – чтобы смотреть в глаза. Так лучше.

Агнесса улыбнулась, с одобрением покачала головой.

– Маникюр у тебя сегодня классный!

– Могу позволить.

Захохотали.

– А настроение как?

– Хорошее.

– Осим хаим?!

– Что-то вроде...

Олеся привычно чувствовала, что азартная Агнесса не собирается успокаиваться в своих расспросах.

– Замуж тебя, что ли выдать?!

Со смехом чокнулись кофейными чашками.

– Галка твоя где?

– В кино с подружками после школы собрались. Сказала, что потом прибежит к тёте Агнессе.

– К тёте, к тёте...

Агнесса ворчала, но была довольна.

– Ребятишкам твоим сейчас денег хватает? На карманные расходы, на учебники?

– Вполне. Старший уже где-то подрабатывает, какие-то переводы научные делает...

После уличной прохлады Олеся покраснелась, с удовольствием пила кофе.

– Работа с каждым днём всё привычнее, спокойно всё получается. Многие старики меня уже знают; если звонят в нашу контору и заказывают вызов, то часто просят именно меня к ним прислать. В фирме ценят, деньгами не обижают.

– С работой ясно, а с расходами как?

– Жильё у нас с Галкой осталось прежнее, не меняли, сама знаешь; теперь у неё своя комната образовалась, а оплата за всё такая же. Сын, после поступления в колледж, живёт там в бесплатном общежитии. Продуктами затариваюсь в эконом-маркетах, покупаю там заморозку и полуфабрикаты, иногда свежие продукты, овощи. Экономии с фанатизмом не придерживаюсь, но готовлю дома. Галка тоже много хозяйничает на кухне, выдумывает нам ужины. В квартире электрическая печь, приходится доплачивать. Если выбираюсь в город не на машине, то пользуюсь месячным проездным, так дешевле.

– Галка по шмоточным магазинам тебя ещё не таскает?

– Нет, ты что?! Она у меня девчонка умная! Одеваемся мы с ней в масс-маркетах, я давно уже присмотрела один такой рядом с домом. Мне-то всё равно, а она копается, совсем недорого находит брендовую кожаную обувь, джинсы, рубашки. Сама перешивает, подгоняет по размеру. Выглядит стильно! Скоро прибежит, сама увидишь.

– Да, ты вот рассказываешь, а я вспоминаю...

Агнесса вздохнула.

– Уезжали мы из Казахстана, потом жили недолго в Белоруссии, а вот авокадо и свежевыжатые соки я первый раз попробовала только в Германии! И замороженные торты тоже, да, да! А вот обычной сметаны и сгущёнки здесь тогда не сыскать было!

Мяукнул под столом, у ног Агнессы котёнок.

– Ой, какой милый! Можно погладить?! Он давно у тебя здесь?

– Месяца два, случайно всё получилось. Давно ещё, по весне, пригласили нас с Шуриком как-то в гости, в хороший дом, с приличными немецкими хозяевами. Хозяйка – чистюля, всё гордилась перед нами своей кошечкой, показывала, как научила её в туалете на унитаз ходить, представляешь?! Гости умилялись, когда им демонстрировали, как кошечка просилась, настойчиво царапала дверь туалета, ей открывали, и она ловко устраивалась на краю белого унитаза.

– Мерзость.

– Ага, и ты так же, как я тогда, реагируешь!

Агнесса хлопала в ладони, засмеялась, готовясь к триумфу.

– Потом мы снова были в гостях в этой семье. Хозяйка радовалась, что её кошечка принесла четырёх котят. Представляешь, я сама остолбенела, когда увидела как все эти крохи, одновременно, сидели на краю унитаза, а кошка-мама лизала лапки рядом!

– Ого!

– Не «ого», а немецкое воспитание! Тётки, что в гостях тогда там были, в очередь выстроились! Котят расхватили по рукам мгновенно! Репутация! Вот и я одного ухватила...

Посмотрела на Олесю

– И ты возьми себе котёнка, уговори своего квартирного хозяина, пусть разрешит. Ты же давно в его квартире живёшь, ничего не испортишь.

– Умер он, хозяин. Зять вместо него делами распоряжается.

– Ну вот, уговори зятя! Галке с котёнком будет дома веселее.

– Ладно, поговорю с ней, как она решит.

Олеся задумалась, помешала ложечкой в чашке, посмотрела на доньшко.

– Чего мы тут всё про меня, да про меня?! Как вы-то с Шуриком живёте? А как пацаны ваши? Совсем взрослые уже?

– Живём...

Агнесса встала, прошла в зал, что-то сказала официантке.

Та согласно кивнула.

Вернулась, снова села рядом с Олесей.

– Он всё дом нам строит. Идея у него такая, продолжительная... Первая – открыть цех по производству русских пряников, оформить право где-нибудь в Туле или в Вологде, а печь их здесь.

– Получится?

– Он уверен, Шурик дело знает. А вторая идея – собственный дом. Считает, что обязан сделать жизнь нашей семьи максимально хорошей и комфортной. Свой дом для Шурика – это

и приобретение связей со своим шоколадным сообществом, немцы называют такое "коллективным духом", и возможность наконец-то твёрдо встать на ноги.

- Так хорошо идут у него дела, что дом строит?
- Пять лет назад взяли кредит, пожизненный....
- Не болеет он?
- Держится, смеётся всё.... Вижу, что устаёт.
- Береги мужа.
- По мере сил и возможностей...

Агнесса задумчиво посмотрела на окно, на кофейную чашку.

- А твой бывший, как? Появляется?
- Через семь лет после развода опомнился, позвонил, просил встретиться с детьми.
- А ты?
- Послала...

Обнялись, посмеялись.

Агнесса вытерла салфеткой глаза.

- Со своими родителями общаешься? Они так же, дома, на Украине?
- Да, почти каждый день звоню им, живут потихоньку, пенсионеры... В прошлом году ездила к ним, весной снова поедem туда с Галкой, проведем. Плакали, просили остаться. У них там, на Украине, сейчас беспокойно, боятся...

– А чего не осталась?

– Моя мать в кочегарке вечерами подрабатывала, чтобы меня вырастить, я сама уборные у фрицев полжизни драила, а они меня своей так и не признали! Пусть хоть мои дети людьми станут, счастливой жизни попробуют...

– Давай по рюмке?

– Давай.

Помолчали.

Агнесса продолжила говорить первой, хитро прищурилась, покачала указательным пальцем.

– Хорошо, что ты сегодня так внезапно появилась! Дело есть. На миллион. Поможешь?

Вид у Агнессы получился загадочный, почти таинственный, Олеся рассмеялась.

– На миллион?! Помогу, ещё и помощницу приведу!

– Ну, тут такое дело... Хорошие знакомые моего Шурика, немцы, семейная пара, профессора какие-то гуманитарные, дочку свою на днях замуж выдают. Она студентка, жених – её однокурсник, но наш, русак! Паренёк хороший, приличный, с перспективой. Родился здесь, из Волгограда семья приехала Германию в девяностые. Так вот, родители девочки все расходы по свадьбе берут на себя, организацию, торжественную церемонию в ратуше, свадебное путешествие, но возникла проблема.... Все всё понимают, поэтому договорились по-хорошему, без обид.

– Какая проблема?

– У этих немецких родителей круг общения старинный, научный, они от всего этого нового шарахаются, избегают с незнакомыми людьми общаться. Ну, сама понимаешь: обычаи, правила, этикет и всякая прочая лабуда.... И так-то они не хотели разрешать дочке за переселенца выходить, Шурик говорит, что мать в истерике неделю билась, отец ультиматумы каждые пять минут ставил! А дочка упрямая – любовь и всё! Молодец девчонка! Наконец всё, кажется, решили, а вот с самой свадьбой – загвоздка. Приглашённые академики и лауреаты соглашались прийти, но ни в какую не хотели гулеванить там весь вечер с мигрантами! Мол, манеры у приезжих не те, шокировать их будут, шуметь, орднунг соблюдать не станут.

– Во, дурачье!

– Академики.

– Глупости навывдумывали!

– Не кипятись, всё нормально, всё уже решено, всё улажено. Первый день – немецкая свадьба, а на второй – русская! Соберёмся на квартире у родителей жениха, все свои, человек двадцать. Посидим по-людски, по-домашнему, песен наших попоём, водочки за молодых выпьем!

– А ты..., а мы-то там с тобой каким боком?!

– Шурик, добрая душа, обещал помочь им с кухонными делами. Матерям и отцам не до готовки в такие дни! А если снимать ещё один зал в ресторане на второй день, нанимать поваров, службу – дорого, у родителей жениха таких денег нет. Да я уже всё спланировала, не переживай! Сейчас, погоди минуточку...

Агнесса вскочила из-за столика, легко побежала в подсобку.

Олеся тоже встала, подошла к солнечному окну, тронула прозрачную штору.

– Вот, садись!

Агнесса хлопнула на столик большую тетрадь.

– Смотри! Кофе ещё будешь?!

– Конечно же, буду, милая подружка!

Кофе.

Солнце.

Тихо.

Агнесса водила карандашом по страницам.

– Вот, я придумывала и всё записывала. Я уже съездила, поговорила в нашей церкви, там у них есть общественная столовая, на один день они нам посуду дадут, без проблем. Посуда хорошая, ножи, вилки, тарелки достойные. Это первое. Свадебный торт испекут мои девчонки, здесь, в кафе! У меня тут мастерица есть, молдаванка, такие торты печёт, закачашься! Та-ак, холодец свекровь сделает, ей соседки помогут. Отец жениха на птицефабрике работает, в цехе убоя; говорит, что по дешёвке возьмёт там килограммов десять крылышек, пожарим это дело в кляре. На горячее. Остальные закуски гости принесут с собой, кто что сможет.

– А мы что?

– Мы – самые главные! Мы – резерв главного командования! Ракетно-космические войска стратегического назначения!

Агнесса так смешно махала тетрадкой, что Олеся захохотала, никак не умея остановиться.

– Весь вечер на арене цирка – только мы! Строгаем оливье, ведро, не меньше! Делаем винегрет, тоже много, и ещё, обязательно, селёдку под шубой! Вкуснятина!

– Ну, ты даёшь...

– Оливье постоит ночь, заправим его майонезом перед выездом на объект!

Агнесса задумчиво хмурилась в размышлениях, как настоящий генерал, а Олеся, глядя на неё, всё никак не могла остановиться в смехе.

– Та-ак, что ещё? Ага, вот... Настоящую селёдку нам привезёт Романцев, у него здесь есть знакомый, торгует рыбой, они вместе в море ходили. Романцев ещё сказал, что, если гости будут вести себя хорошо, то он прямо там сделает для них настоящую строганину из пеламиды!

– Вот это да! Уже хочу!

– Ну, и другие организационные моменты. Игорь Шперлинг будет на связи, обещал мотаться по городу, покупать по нашей команде для готовки что надо, привозить, отвозить. У него фургончик есть свой, грузовой, небольшой.

– Где он сейчас? Давно не встречала.

– Игорь устроился на огромный такой склад, из которого возят продукты в супермаркеты на сто километров от Кёльна! Его взяли в технический отдел по обслуживанию автопогрузчиков.

– Доволен?

– Доволен. Говорит, что с этого склада его только ногами вперёд вынесут или на пенсию! Кстати, фотографировать свадьбу на второй день будет Таня, я с ней тоже уже созвонилась, договорилась. Вот.

– Ты – ураган! Горжусь!

– Гордиться будем по итогам.

Олеся не успела ответить.

Знакомый голосок за спиной, у дверей.

– Здравствуйте.

– Ой, Галка! Ой, какая же ты стала! Совсем взрослая, выросла-то как! Сколько же я тебя не видела, года три?! Настоящая барышня!

Агнесса то обнимала Галку, то отстраняла от себя, восторженно рассматривая на расстоянии.

– Хороша!

Галка молчала, смущаясь, краснела щеками.

Олеся обняла дочку.

– Ты в следующую субботу чем занимаешься?

– Не знаю... Школа, уроки.

– Поможешь нам с тётей Агнессой?

– А что нужно делать?

– К свадьбе готовиться.

– К чьей?!

– Не к твоей пока, тебе подождать немного надо!

Агнесса снова обняла Галку.

– Брось! Совсем засмущала девочку!

Обнялись все вместе.

– Здесь, на кухне нужно много еды сделать, закусок разных, вечером в субботу приготовить. Будем только ты, доча, я и тётя Агнесса. Ну как?

– Конечно, я с вами...

Олеся незаметно улыбнулась Агнессе.

– Ну вот! Говорила же, что Галка хозяйничать любит!

Осень постепенно заканчивалась.

Вечерами Олеся всё чаще оставалась у телевизора.

Приезжала с работы, под конец дня они вместе с Галкой дружно делали чего-нибудь мелкое, необходимое по дому, потом дочка уходила в свою комнату читать, заниматься уроками, а Олеся садилась на диван у телевизора.

Почему-то мрачной и неприятной становилась далёкая, когда-то родная жизнь...

Иногда смотреть одинаковые, надрывные новости становилось совсем тягостно, тогда Олеся предупреждала Галку, что съездит к Агнессе в гости и уходила.

Пешком, по набережной.

Шла, не замечая реки, просто думала; очень хотелось, чтобы голова стала ясной, но не всегда такое у неё получалось.

Почему-то в кафе у Агнессы в последнее время всегда были гости.

Необычно много людей для осени.

Знакомые, прежние и новые.

Разговоры казались бесполезными, почти все про одно, спорить они не спорили, не до криков было, все ждали друг от друга каких-то правильных слов, мнений и откровений. Постоянно работал телевизор, посетители часто просили включить новости.

Когда Олеся с Галкой были в Днепропетровске летом, ничего особенного там тогда не заметили. Отдыхали, гуляли по солнечному городу, копались на мамином огороде, ездили купаться на старые, запомнившиеся ещё со школы речные берега.

А тут вот, как туча...

Телевизор в их квартире имелся старенький, без разнообразия каналов, но новостей, конечно, было много, из разных студий, разные ведущие, какие-то новые дикторы.

Олеся выбирала тех из них, кто не кричал и особо не кривлялся.

Она смотрела про Украину.

Много тревожного, неосознанного.

Немцы говорили и оценивали события со своим интересом, поэтому Олеся каждый жадно прислушивалась к телевизионным картинкам репортажей с улиц Киева, пристально разбираясь в отдельных закадровых, вполне понятных ей словах.

«Кто не скачет, тот москаль!»

Главное в новостях про Украину: выборы и Бандера.

Вечер.

Кафе.

Посетителей немного, лица почти все знакомые.

Кто-то негромко смеётся.

– ... Ладно, не подписывают ваши киевские начальники соглашение между Украиной и Евросоюзом, ну и что из этого?! Из трусов теперь всем выпрыгивать?

Агнесса швырнула посудное полотенце на стойку, раздражённо щёлкнула пультом телевизора.

– Не переключай, пожалуйста, я досмотрю...

Пяти минут новостей для Олеси было достаточно, чтобы загрустить.

Она не знала почему, но каждый раз настроение портилось из-за далёких, совсем не касающихся её слов и событий.

Евроинтеграция.

Отряды «самообороны», разгон палаточного лагеря, захваты административных зданий, введение чрезвычайного положения.

Снайперы.

День достоинства и свободы.
Погибли сто четыре активиста...

– Стой! Не выключай, Агнесса, не выключай, прошу тебя...

Киев.

Темно.

Вечер. Ночь?

– Украине слава!

Факелы, много факелов. Развешаются сине-жёлтые флаги, чёрно-красные.

В толпе орёт мужик с мегафоном.

Диктор немецких новостей говорит торопливо и восторженно.

Олеся прислушивается к тем, далёким словам.

– Прийдем зараз центральными улицами. Пройдёмся Крещатиком, покажем всем...

Слава Украине!

Толпа ответно ревет.

– Героям слава!

– Всё, начинаем!

Крики в мегафон, длинный плакат.

– Бандера прийдет, порядок наведе!

Крики.

– Бандера прийдет, порядок наведе!

– Бандера прийдет, порядок наведе!

– Бандера прийдет, порядок наведе!

Светленькая девчушка бережно, как икону, несёт портрет в тяжёлой деревянной раме.

Репортёр спрашивает её на русском.

Немец в телевизоре переводит.

– Девушка, какое у вас чувство, когда вы несёте портрет Бандеры?

Светленькая спокойно, мило улыбается.

– Велика гордость! Это Украина.

Крики в толпе.

– Слава Украине! Героям слава!

За ближним столиком грохнул кулаком Игорь.

– Уроды! Вот ведь тупые уроды! Мертвец придёт, порядок им наведет...

– Помолчи, дедуля! Народ там правду говорит! Это здесь вы все такие смелые, тебя бы сейчас туда ...

В зале – мгновенная тишина.

Замолчали даже те, кто не понял подробностей.

Огромный Игорь встал, подошёл к столику, за которым сидели два молодых мужика.

Обычные, не пьяные.

– Чего-то я тебя не догоняю.... Это ты мне указываешь, как жить надо, щенок?! Испугать думаешь? Да в меня стволами на перегонах тыкали уже тогда, когда ты ещё в памперсы ссался!

Мужики молчали.

– Пироженка вкусная?

Игорь тронул за плечо одного.

– Ну, вкусная?!

– Да.

– Тогда быстрее доедай и вали отсюда, пока я не рассердился и не засунул её тебе туда, куда не надо. Понял?

– Понял.

Оба встали, оставили деньги на столике, ушли.

Аплодисменты.

Почти овации.

Агнесса строго смеялась, наливая кофе себе, Игорю и Олесе.

– Ты когда-нибудь видела, чтобы люди из-за политики в моём заведении друг на друга бросались?! Не было этого и никогда не будет, пусть они там, на вашем Майдане, все с ума посходят!

– Я тебя провожу немного. Пройдусь, подышу...

Ночной город.

Звёзды.

Огни в реке.

Тихо.

– Страшно...

– Чего ты боишься, дурёха?!

Агнесса ласково поправила шарф Олесе.

– Не знаю.... Не за себя. За детей. Что-то такое на всех нас надвигается...

– Это там, далеко. Здесь железная дисциплина, порядок, не позволят. Не бойся.

Кухня.

Ещё кофе.

Тихо – телевизор.

Снова новости.

Потом сон – тревожный, тяжёлый.

И утром – новости.

Тихо, пока ещё не проснулась Галка.

На одном из каналов зачем-то подробно повторяют кадры весенних событий.

Дети.

Мальчики, и возрастом, и лицами похожие на её сына...

Львов.

День.

Чисто, солнечно, деревца на улице ещё совсем без листьев.

Брусчатка, трамвайные пути.

Колонна.

Не очень тесная, совсем не грозная.

Улыбаются.

Мальчишки в белых, с синим и красным, рубахах, вышиванках.

Кушаки нарядные, красивые, вязаные.

Девчонки – тоже в вышиванках, почти все в джинсиках.

Стоят у памятника – ладони на сердце. Поют, улыбаются.

Без масок, лица открытые, но настороженные.

Плакаты – жёлтый лев на синем фоне, вокруг него – жёлтые короны.
По обе стороны колонны – ряды обычной милиции, фуражки, брюки, погоны.
Празднуют юбилей дивизии «Галичина».

По улице, сразу же за детьми в вышиванках – мрачная стая, взрослые, все в чёрном.
Немецкий диктор говорит, что это националисты.
В чёрных очках, в масках с прорезями для глаз.
Вскинуты кулаки.
Страшная тишина.
День, светло, весна – но густой дым файеров. Зачем?!
Красно-чёрные флаги.
Несут длинный чёрный транспарант, через всю улицу.
Лица, имена – старинный Железняк, какой-то непонятный Сирко, Шухевич, Павло Шандрук в эсэсовской офицерской фуражке.
«Ваша честь – наша верность!»
Через голос немецкого журналиста доносится рёв в мегафон: «Только бандеровская армия с бандеровской символикой и бандеровским духом способна изменить Украину!».

Звонок.
Неожиданно.
Олеся ехала с первого своего, утреннего, посещения.
Остановилась, чтобы не спешить.
Звонила Агнессы.
– Привет, подружка! Что-то срочное?
– Ты можешь сейчас говорить? Не при исполнении?
Олеся улыбнулась.
– Говори.
– Короче, помнишь нашу старенькую учительницу, Галину Ильиничну?
– Да, конечно. Что с ней?
– Думаю, что ничего страшного, просто ей нужен совет. Она уже на пенсии, живёт в своей квартирке, на днях приболела немного. Хотела вызвать врача, а ей говорят, что врач не может к ней приехать, что её страховка, вроде как, немного неправильно оформлена. Вот она и плачет, не знает, что делать, самой-то ей по этим больничным кабинетам не выходить...
– Диктуй адрес. И телефон.

В тот вечер Романцеву было очень хорошо.
С порога он заулыбался, потопал, отряхнул снежок с ботинок.
– Девчонки, масть пошла! Я угощаю!
Агнессы небрежно махнула рукой.
– Привет, философ! Что, неожиданное наследство получил?
– Лучше. Работу!
– Тогда присаживайся, располагайся, уважаемый, разговаривать будем!
Романцев махом выпил чашку кофе, отдышался.
– В Рюссельсхайм берут, на завод «Опель»!
– Вот это да!
– Письмо им в конце лета посылал, анкету заполнил, всё честь по чести. Сегодня ответ пришёл, вот!
Вытащил из внутреннего кармана аккуратно сложенный листок бумаги.

– Заводище огромный, современный! Меня вроде как определили в цех подготовки радиаторов! Поняли там, что я по холодильным делам мастер, самую сложную пайку в момент сделаю, лучше любого робота! Так что, гуляем, девчонки!

– Что же это получится, покидаешь ты нас, уезжаешь из родного Кёльна?!

Агнесса заулыбалась, сделала вид, что пригорюнилась.

– Вот, Олеся, зашибёт наш Романцев грошей, и думать про нас позабудет вдалеке, на своём автогиганте!

– Не, что вы! Там общагу предоставляют, а по выходным я сюда приезжать буду! Часа полтора езды!

– Ну, смотри, а то не простим, изменщика!

Кто-то окликнул Романцева из зала.

Тот заторопился.

– Я сейчас, девчонки! На минутку отойду, поговорю с корешами...

Агнесса повернулась к Оксане.

– А-а, пусть похвалятся перед мужиками, ему эта работа в самый раз сейчас. Деньги очень нужны, он же до сих пор к жене и сыну как из клетки отсюда рвётся... Ладно, с ним-то мы ещё поговорим, расскажи лучше, как там дела у Галины Ильиничны, что-то получается?

Утром, после звонка Агнессы, Олеся быстро доехала, без проблем нашла нужный адрес. Позвонила.

Медленное шарканье, тихий кашель.

Дверь открылась не сразу, несколько раз проворачивался ключ в замке.

– Да-а...

– Галина Ильинична, это я, Олеся!

В коридорчике темновато, маленькая лампочка.

– Звонила Агнесса, предупредила, что приедешь...

На свету в комнате старушка охнула, разглядев гостью, прикрыла рот горсточкой.

– Олесечка, милая, так это ты?! Я ведь не расслышала, кто ко мне приедет, и в коридоре тебя не узнала. Проходи, милая, проходи, дорогая! Как хорошо, что ты меня навестила.

В халате поверх кофты, в тёплых трикотажных рейтузах, в неуклюжих меховых тапках.

Не узнать.

Олеся едва сдерживала слёзы.

– Что у вас такое случилось, Галина Ильинича?! Рассказывайте, я ведь по этой части работаю, постараюсь помочь...

Пили чай на кухоньке.

Потом Олеся всё-таки проводила Галину Ильиничну в комнату, уложила на диван, укрыла пледом. Присела рядом.

Разговаривали.

Седенькая.

Растерянная.

Глаза по-прежнему голубые, но словно выцвели...

Сильно сдала, Олеся давно её не видела.

– Конечно, жить здесь в Германии, хорошо, сытно, но непонятно как-то всё... Тут лучше не болеть, почти ничего нельзя купить без рецепта, даже обычного обезболивающего. Страховка-то у меня есть, но говорят, что не вся, не такая, не полная.

Старушка вздохнула.

– ... Что-то с глазами у меня в последнее время не получается, плохо вижу, особенно вечерами. По квартире-то ещё хожу, все углы в ней наизусть помню, а вот на улицу никак не выйти.... Собралась, обзвонила недавно несколько глазных врачей, все извиняются, говорят, что не принимают новых пациентов. Ну и спрашивается, чего хорошего жить в таком государстве?! Я же помню, такие деньжищи платила тогда за медицинскую-то страховку, а они мне глазки вылечить не могут...

Заплакала.

Тихо, без звука.

– Можно как-нибудь помочь ей?

Агнесса сама вытерла ладошкой слёзы.

– Да. Я в конторе со своими спецами посоветовалась, с юристом. Просили привезти им копии страховки, диагнозы, которые врачи раньше ставили. Буду к ней заглядывать, навещать...

– Давай вместе когда-нибудь съездим!

– Хорошо.

От дальнего столика доносился громкий Романцев.

– Планы на будущее, не соответствующие вашим финансовым, умственным и физическим возможностям, называются мечтами!

– Ну, это ты загнул!

– Это не я, это великий человек сказал.

Слышно была, что мужики спорят о работе.

Разгорячённый своей радостью Романцев перекрикивал всех.

– ... Мы приехали сюда пахать, зарабатывать, новую жизнь себе строить! Мы же там много чего умели, на родине нас ценили. А здесь.... С самого начала тупо учили писать резюме и молча пахать подсобниками у немцев! Нас не консультировали по поводу образования, не заглядывали в наши аттестаты и не говорили, кому стоит идти учиться дальше, получать высшее образование, а кому работать за гроши. Помощи в поисках достойной работы никто нам и думать предлагать!

Галка уже пришла из школы.

Выглянула в коридор.

– Мама, я рыбу сегодня пожарила. Давай пообедает?

– Давай.

Посидели на кухоньке, посмеялись, Олеся рассказала дочке про Галину Ильичну.

Потом прилегла на диван.

Какая-то непонятная усталось.

Именно непонятная, ничего особенного или тяжёлого ей за день делать не пришлось, бывало и похуже, а вот ведь, устала...

Тихонько приоткрыла дверь в комнату Галка

– Мама, ты чего такая?! Заболела?

– Нет, нет, просто немного отдохнуть надо...

– Мам, я пойду, погуляю, мы с девчонками пройдемся только до набережной и обратно, хорошо?

– Хорошо.

Включила телевизор.

Новости оттуда...

Крики.

Киев.

«Правый сектор».

Чёрная одежда.

Факелы.

«Небесная сотня».

Янукович объявлен в розыск по подозрению в организации массового убийства.

Поддерживают Майдан Джордж Клуни, Лия Ахеджакова и Арнольд Шварценеггер.

Какой-то маленький украинский городок, мельнуло в кадре – Броды, там ломками и кувалдами снимают с пьедестала бюст Михаила Кутузова, увозят куда-то на грязном тракторе, люди вокруг радуются. Немецкий телеведущий тоже восхищён: скоро на этом месте будет установлен памятник погибшим героям Майдана!

В Луганске запрещена продажа бейсбольных бит и петард...

Защитить.

Маму, папу.

Детей...

Провалилась в сон.

Очнулась. Сколько спала, долго? Посмотрела на часы – всего двадцать минут.

Оставила записку Галке, оделась.

Набережная, тихая, безлюдная.

Холодная.

Агнесса слушала внимательно, постукивая карандашиком по столу.

Оксана говорила громко, в обиду, размахивала руками, не обращая никакого внимания на тех посетителей, которые тоже прислушивались к её словам.

– Родители изменились ужасно! Мама плакала, всё спрашивала, как ей быть.... У них же там, в Днепропетровске, квартира в городе, а дачка с домиком – за рекой. Спрашивает, какая власть будет?! Что у них будут отнимать, квартиру или дачу?! Папа всё рвался на Майдан...

– Зачем?!

– Говорил, что защищать свободу...

Помолчали.

Олеся невнимательно пила кофе, шевелила ложечкой кексик.

– ... Со школьными друзьями тоже что-то дикое происходит, совсем ума у ребят нема. Раньше много с кем переписывалась, в Одноклассниках общались, я у них часто в последнее время спрашивала о событиях у нас там, на Украине, обсуждали честно.... Я же ничего от них не скрывала, никого не обижала! Говорила, как думаю.... Психовала, писала, что бандеровцы – дураки и клоуны! Что вылезли как чёрные кладбищенские черви, как клопы из всех щелей, захватили мою землю! Я же их туда не звала!

– Ну и как?

– Почти все прежние друзья, и школьные, и такие, сразу отказались от общения, замолчали. Моя одноклассница, работает учительницей, орала в телефон, что всё плохое про Бан-

деру – неправда, что всех нас раньше обманывали! Заблокировала мне общение в соцсетях, в блогах. С мамой и папой – тоже скандал – в последние дни только доброе утро и всё.... Единственный, кто со мной там согласен – дядя, брат отца.

Дверь кафе распахнулась.

Не так, как обычно, не так аккуратно, если заходили посторонние посетители.

Романцев и Игорь Шперлинг.

В обнимку.

Весёлые уже, шумные.

– Привет, девчонки!

Без спроса устроились к ним за столик.

– Чего грустим?! Олеся, а ты чего хнычешь?! Кто тебя тут обидел?! Ты только скажи, я мигом всё разрулю!

Агнесса погрозила Шперлингу пальцем.

– Я тебе разрулю! Тоже мне рулевой нашёлся!

– Лады, понял, не дурак! Молчу, молчу!

– А я на побывку приехал, как и обещал!

Романцев с гордостью стукнул себя в грудь.

Олеся продолжила, не обращая внимания на поддатых мужиков.

– ... Другие мои друзья, которые нормальные, из Киева, рассказывали, что у них был знакомый антиквар. Ночью, в январе, соседи слышали, как он кричал, звал на помощь. Утром приехала полиция, а квартира обчищена и у человека в сердце торчит спица! Говорят, что бандиты, которые грабили, за что-то ему мстили.

– Когда в героях фашисты и нацисты – конец стране...

Говорить ни о чём не хотелось.

Олеся и Агнесса просто слушали Романцева.

– Кто доказывает грубо – тот не доказывает ничего. Помните, я вам ещё год назад говорил, что всё так и произойдёт?! Меня в таких делах никому не обмануть! И в тот раз меня чуйка не подвела!

Игорь Шперлинг шумно спорил с кем-то за дальним столиком, а Романцев говорил негромко, как будто размышлял.

– Люди по-разному свою жизнь проводят. Вот взять лесной ручеёк, прозрачный, чистый, негромкий, который существует в тишине и в одиночестве. Путь его сложный, иногда приходится пробиваться и через корешки, через острые камушки. Всякое бывает, а он течёт и течёт себе спокойно.... А ещё другая вода есть – в сточной канаве на шумной улице. Льётся она ловко, по вонючему бетонному жёлобу, правильно устроенному, гладкому от слизи. Тепло там от канализационных стоков, мчатся рядом дорогие автомобили, грохочет из них музыка. И вот приходит время для этих двух разных ручьёв закончить свою жизнь одинаково – в большой реке. Первого, лесного, ручейка принимает общая река радостно, беспрепятственно, а другой, мутный, поток вынужден проходить через очистку, чтобы вся грязь и срань, которую он накопил в себе за всю свою жизнь, не попали в чистую вечную реку, а остались на свалке: и враньё, и дорогие машины, и измены, и нечестные деньги...

Вечером, за чаем, Галка спросила.

– Мама, а зачем ты так часто смотришь по телевизору все эти новости?

– Не могу просто так. Мне нужно знать правду...

Работа успокаивала, отвлекала.

Но не всегда.

Один из следующих дней прошёл хорошо, проблемно.

И последний адрес, с которого пришла заявка, и куда её направил диспетчер, был рядом с домом.

Удача.

Хоть такая...

Старенький, седенький немец, крохотный, в огромных очках, сразу же, от дверей, потребовал от Олеси сделать ему укол и немедленно привезти из аптеки лекарство для сна.

– У меня закончилось моё постоянное лекарство и поэтому я не могу хорошо спать, даже днём!

С уколом Олеся разобралась быстро, объяснила бодрому дедуле, что сейчас такой укол ему не нужен.

– Хорошо. Тогда мне нужно знать моё давление!

Измерила.

Доложила.

Дед остался доволен.

– Мне девяносто лет и у меня такое хорошее давление!

Пациент просто хотел поговорить.

Олеся огляделась.

На стенах – старые военные фотографии, танки и какие-то города.

– Вы воевали?

– Да, да, я воевал! Какие же это были годы!

Старичок засеменил в другую комнату, притащил оттуда военный мундир, весь в орден-нах, в витых погонах.

– Я был храбрым солдатом, а Гитлер – трусом! Он обманул, он предал нас...

Олеся молчала.

Дед подошёл вплотную к ней, принялся рассматривать, тоже молча.

– Ты русская?! Русская, признавайся, я же вижу!

– Украинка.

– Тогда ладно.... Привези мне быстрее лекарство!

Дома – музыка.

Нормальная, спокойная.

Галка всегда читала под музыку.

Ужин уже был готов.

Остальность переодеться, умыться и немного отдохнуть.

Села на диван в своей комнате, не утерпела, включила телевизор.

Как гром...

Премьер-министр Крыма попросил Россию обеспечить мир на территории полуострова. Восторг!

И сразу же в тревоге заколотилось сердце...

Что теперь будет?

Весенние дни полетели как птицы.

Улицы стали казаться приветливыми, ветер уже не был таким холодным.

На вызовы к пациентам по ближним адресам Олеся старалась ходить пешком, машиной пользовалась значительно реже.

Улыбалась.

Как-то раз забежала по пути в птичий магазин.

Дверь открылась, колокольчик звякнул.

Пусто.

Олеся огляделась.

В зал откуда-то тихо вышла Таня, бледная, с платочком в кулачке, вытерла глаза.

– Привет! Ты что, одна здесь?! А где Толич?

– Он в магазин вышел, кофе купить...

– А ты чего такая смурная? Произошло чего?

Таня заревела, бросилась к Олеся, уткнулась лицом в плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.